

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков

ПРОГУЛКА С Ж.-Ж. ROUSSEAU[1]

Посвящается Александру Николаевичу Бенуа

Сад Le Nôtre'a. В лазурных прудах –
отраженья дельфинов и статуй:
он идет по аллее стрельчатой
с маргариткой и книгой в руках;
и, мечтая о новом "Emile",
он любуется стройностью сада.
Средь притворств витиеватых – отрада –
этот строгий, размерный стиль.
У фонтана – прямые партеры.
Чуть насмешливо смотрит Rousseau,
как жеманно играют в cerceau[2]
две маркизы и два кавалера.
январь 1917

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

1

Зимнею лунною ночью молчанье
Кажется ровным дыханьем небес...
В воздухе – бледных лучей обаянье...
Благословенные лунным сияньем,
Дремлют аллея, и поле, и лес...

2

Лыжи упругие сладко скрипят;
Длинная синяя тень провожает...
Липы, как призраки черные в ряд,
Странные, грустные, в инее спят...
Мягко сугробы луна освещает.

3

Царственно круглое белое пламя
Смотрит на поле, на снежную гладь...
Зайца спугну за нагими кустами;
Гладь нарушая тройными следами,
Он пропадет... и безмолвно опять.

4

Нивой пойду... Беспредельна она...
Воздух хрустально-морозный целую...
Небо – сиянье, земля – тишина...
В этом безмолвии смерти и сна
Ясной душой я бессмертие чую.
март 1917

РЕВОЛЮЦИЯ

Я слово длинное с нерусским окончаньем
нашел нечаянно в рассказе для детей,
и отвернулся я со странным содроганьем.
В том слове был извив неведомых страстей:
рычанье, вопли, свист, нелепые виденья,
стеклянные глаза убитых лошадей,
кривые улицы, зловещие строенья,
кровавый человек, лежащий на земле,
и чьих-то жадных рук звериные движенья...
А некогда читать так сладко было мне
о зайчиках смешных со свинками морскими,
танцующих на пнях весною, при луне!
Но слово грозное над сказками моими
как пронеслось! Нет прежней простоты:
и мысли страшные ночами роковыми
шуршат, как старые газетные листы!
1917

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

"Вечер тих. Я жду ответа..."

Вечер тих. Я жду ответа.
Светит око Магомета.
Светит вышка минарета
На оранжевой черте.
Безрассудно жду ответа,
К огневой стремясь мечте.
Муэдзина песнь допета.
Розы дымки, розы света
Увядают в высоте.
Я взываю. Нет ответа...
2 августа 1918

БАХЧИСАРАЙСКИЙ ФОНТАН
(Памяти Пушкина)

Он здесь однажды был. Вода едва журчит.
На камне свет лежит белеющим квадратом.
Шныряют ласточки под сводом полосатым.
Я чую прошлое: но сердца не пленит
фонтана вечный плач; ни страшные виденья,
Ни тени томных жен, скользящих меж цветов,
Ни роскошь темная тех сказочных веков,
Мне ныне чудятся и будят вдохновенье.
О нет! Иных времен я слышу тайный зов.
Я вижу здесь его в косой полоске света, –
Густые волосы и резкие черты
И на руке кольцо, не спасшее поэта.
И на челе его – тень творческой мечты.
В святом предчувствии своих грядущих песен
Он – тихий – здесь стоял, и – как теперь, – тогда
Носились ласточки, и зеленела плесень
На камнях вековых, и капала вода.
18 августа 1918

Бахчисарайский дворец

РЫЦАРЬ

Я в замке. Ночь. Свод сумрачно-дубовый.
Вдоль смутных стен портретов смутный ряд.
Я не один: в углу – средневековый
суровый страж, составленный из лат.
Он в полутьме, как сон убийцы хмурый,
стоял с копьем в закованной руке.
Я расставлял огромные фигуры
при трех свечах на шахматной доске.
И вот огонь угрюмый отсвет кинул
на рыцаря – и видел, слышал я:
он медленно забрало отодвинул,
и звякнула стальная чешуя.
Он подошел тяжелою походкой,
стуча копьем и латами звеня;
сел предо мной и руку поднял четко,
и стал играть, не глядя на меня.
Взор опустив и трепетом объятый,
бессмысленно я пешки выдвигал.
Жемчужные и черные квадраты
крылатый ветер, дохнув, перемешал.
Последнею пожертвовал я пешкой,
шепнул: «сдаюсь», и победитель мой
с какою-то знакомою усмешкой,
привстав, ко мне нагнул над доской...
Очнулся я. Недвижно рыцарь хмурый
стоит в углу с копьем своим в руке,
и на местах все тридцать две фигуры
передо мной на шахматной доске.
18. 3. 19.

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

РОССИЯ ("Плыви, бессонница, плыви, воспоминанье...")

Плыви, бессонница, плыви, воспоминанье...

Я дивно одинок. Ни звука, ни луча...

Ночь за оконницей безмолвна, как изгнанье,
черна, как совесть палача.

Мой рай уже давно и срублен, и распродан...

Я рос таинственно в таинственном краю,

но Бог у юного, небрежного народа

Россию выхолил мою.

Рабу стыдливую, поющую про зори

свои дрожащие, увел он в темноту

и в ужасе ее, терзанных и позоре

познал восторга полноту.

Он груди вырвал ей, глаза святые выжег,

и что ей пользы в том, что в тишь ее равнин

польется ныне смрад от угольных изрыжек

Европой пущенных машин?

Напрасно ткнут они, напрасно жнут и веют,

развозят по Руси и сукна, и зерно:

она давно мертва, и тленом ветры веют,

и все, что пело, сожжено.

Он душу в ней убил. Хватил с размаху о пол

младенца теплого. Вдавил пятою в грязь

живые лепестки и, скорчившись, захлопал

в ладоши, мерзостно смеясь.

Он душу в ней убил – все то, что распевало,

тянулось к синеве, плясало по лесам,

все то, что при луне над водами всплывало,

все, что прочувствовал я сам.

Все это умерло. Христу ли, Немезиде

молиться нам теперь? Дождемся ли чудес?

Кто скажет наконец лукавому: изыди?

кого послушается бес?

Все это умерло, и все же вдохновенье

волнуется во мне, – сгораю, но пою.

Родная, мертвая, я чаю воскресенья

и жизнь грядущую твою!

15 (18) марта 1919

АКРОПОЛЬ

Чей шаг за мной? Чей шелестит виссон?

Кто там поет пред мрамором богини?

Ты, мысль моя. В резной тени колонн

как бы звенят порывы дивных линий.

Я рад всему. Струясь в Эрехтейон,

мне льстит лазурь и моря блеск павлиний;

спускаюсь вниз, и вот запечатлен

в пыли веков мой след, от солнца синий.

Во мглу, во глубь хочу на миг сойти:

там, чудится, по Млечному Пути

былых времен, сквозь сумрак молчаливый

в певучем сне таинственно летишь...

О, как свежа, благоговейна тишь

в святилище, где дышит тень оливы!

7 июля 1919

Англия

ПАНИХИДА

Сколько могил,

Сколько могил,

Ты – жестока, Россия!

Родина, родина, мы с упованьем,

Сирые, верные, греем последним дыханьем

Ноги твои ледяные.

Хватит ли сил?

Хватит ли сил?

Ты давно ведь ослепла.

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

В сумрачной церкви поют и рыдают.
Нищие, сгорбась у входа, тебя называют
Облаком черного пепла.
Капает воск,
Капает воск
И на пальцах твердеет.
Стонет старик пред иконою смуглой.
Глухо молитву поют; звук тяжелый и круглый
Катится, медлит, немеет...
Капает воск,
Капает воск,
Как слеза за слезою.
Плещет кадило пред мертвым, пред гробом.
Родина, родина! Ты исполинским сугробом
Встала во мгле надо мною.
Мрак обступил,
Мрак обступил...
Неужели возможно
Верить еще? Да, мы верим, мы верим
И оскорбленной мечтою грядущее мерим...
Верим, но сердце – тревожно.
Сколько могил,
Сколько могил,
Ты – жестока, Россия!
Слышишь ли, видишь ли? Мы с упованьем,
Сирые, верные, – греем последним дыханьем
Ноги твои ледяные.
1919

У КАМИНА
Ночь. И с тонким чешуйчатым шумом
зацветающие угольки
расправляют в камине угрюмом
огневые свои лепестки.
И гляжу я, виски зажимая,
в золотые глаза угольков,
я гляжу, изумленно внимая
голосам моих первых стихов.
Серафимом незримым согреты,
оживают слова, как цветы:
узнаю понемногу приметы
вдохновившей меня красоты;
воскрешаю я все, что, бывало,
хоть на миг умилило меня:
ствол сосны пламенеющий, алый
на закате июльского дня...
13 марта 1920

"Когда, мечтательно склонившись у дверей"
Когда, мечтательно склонившись у дверей,
ночь придает очарованье
печалям жизненным, я чувствую острее
свое ненужное призванье.
Ненужное тебе, рабыня губ моих,
и от тебя его я скрою,
и скрою от друзей, нечистых и пустых,
полузавистливых порою.
Деревья вешние в мерцающих венцах,
улыбка нищего, тень дыма,
тень думы – вижу все; в природе и в сердцах
мне ясно то, что вам незримо.
От счастья плачет ночь, и вся земля в цвету...
Благоговею, вспоминаю,
творю – и этот свет на вашу слепоту
я никогда не променяю!
Кембридж, 12. 5. 20.

"В неволе я, в неволе я, в неволе!"

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

В неволе я, в неволе я, в неволе!
На пыльном подоконнике моем
следы локтей. Передо мною дом
туманится. От несравненной боли
я изнемог... Над крышей, на спине
готического голого уродца,
как белый голубь, дремлет месяц... Мне
так грустно, мне так грустно... С кем бороться
– не знаю. Боже. И кому помочь
– не знаю тоже... Льетса, льетса ночь
(о, как ты, ласковая, одинока!);
два голоса несутся издалека;
туман луны стекает по стенам;
влюбленных двое обнялись в тумане...
Да, о таких рассказывают нам
шарманки выцветших воспоминаний
и шелестящие сердца старинных книг.
Влюбленные. В мой переулок узкий
они вошли. Мне кажется на миг,
что тихо говорят они по-русски.
Кембридж, 31. 5. 20.

БЕЖЕНЦЫ

Я объездил, о Боже, Твой мир,
оглядел, облизал, – он, положим,
горьковат... Помню пыльный Каир:
там сапожки я чистил прохожим...
Также помню и бойкий Бостон,
где плясал на кабацких подмостках...
Скучно, Господи! Вижу я сон,
белый сон о каких-то березках...
Ах, когда-нибудь райскую весть
я примечу в газетке раскрытой,
и рванусь, и без шапки, как есть,
возвращусь я в мой город забытый!
Но, увы, приглянувшись к нему,
не узнаю... и скорчусь от боли;
даже вывесок я не пойму:
по-болгарски написано, что ли...
Поброжу по садам, площадям, –
большеглазый, в поношенном фраке...
"Извините, какой это храм?"
И мне встречный ответит: "Исакий".
И друзьям он расскажет потом:
"Иностранец пристал, все дивился..."
Буду новое чують во всем
и томиться, как вчуже томился...
13 мая 1920

ТАК БУДЕТ

С собакою седой, которая когда-то,
смеясь по-своему, глядела мне в глаза,
ты выйдешь ввечеру, и месяц, как слеза,
прольется на цветы последние заката.
Над книжкой, в полутьме блеснувшей белизной,
склони ты голову, склони воспоминанья,
прими, пойми стихи, задуманные мной
на дальней пристани в ночь звездную изгнанья.
Ты будешь тосковать, угадывая, чья
лепечущая тень печалила поэта.
Ты вспомнишь свежие и сладостные лета,
золотоствольный лес и встречи у ручья.
И улыбнешься ты загадочно, и сядешь
на мшистую скамью в лесу на склоне дня,
и светлой веткою черемухи погладишь
собаку старую, забывшую меня.
Кембридж, 11. 6. 20.

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

ПОЭТ

Являюсь в черный день родной моей земли,
поблекшие сердца, в пыли поникли долу...
Но, с детства преданный глубокому глаголу,
нам данному затем, чтоб мыслить мы могли,
как мыслят яркие клубящиеся воды, –
я все же, в этот век поветренных скорбей,
молюсь величию и нежности природы,
в земную верю жизнь, угадывая в ней
дыханье Божие, лазурные просветы,
и славлю радостно творенье и Творца,
да будут злобные, пустынные сердца
моими песнями лучистыми согреты...
Начало 1920-х гг.

РОССИИ ("Не предаюсь пустому гневу")

Не предаюсь пустому гневу,
не проклиная, не молю;
как изменившую мне деву,
отчизну прежнюю люблю.
Но как я одинок, Россия!
Как далеко ты отошла!
А были дни ведь и другие:
ты сострадательной была.
Какою нежностью щемящей,
какою страстью молодой
звенел в светло-зеленой чаще
смех пробуждающийся твой!
Я целовал фиалки мая, –
глаза невинные твои, –
и лепестки, все понимая,
чуть искрились росой любви...
И потому, моя Россия,
не смею гневаться, грустить...
я говорю: глаза такие
у грешницы не могут быть!
Начало 1920-х гг.

ТИХАЯ ОСЕНЬ

У самого крыльца обрызгала мне плечи
Протянутая ветвь. Белеет небосклон,
И солнце на луну похоже, и далече,
Далече, как дымок, восходит тонкий звон,
Вон там, за нежно пожелтевшим
Сквозным березняком, за темною рекой...
И сердце мягкою сжимается тоской,
И, сетуя, поет, и вторит пролетевшим
Чудно-унылым журавлям,
За облаками умолкая...
А солнце круглое чуть тлеет; и такая
Печаль воздушная блуждает по полям,
Так расширяется, и скорбно, и прекрасно,
Полей бледнеющая даль,
Что сердцу кажется притворною, напрасной
Людская шумная печаль.
20 февраля 1921

"Был крупный дождь. Лазурь и шире и живей..."
Был крупный дождь. Лазурь и шире и живей.
Уж полдень. Рожицы березовой опушка
И солнце мокрое.

Задумчиво кукушка
Считает золото, что капает с ветвей,
И рада сырости пятнистая лягушка,
И тонет в капельке уродик-муравей,
И скромно гриб стоит, как толстый человек,
Под красным зонтиком, и зыблется везде
Под плачущей листвой сеть огненных колечек,

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

А в плачущей траве – серебряной звезде
Ромашки – молится неистово кузнецик,
И, по небу скользя, как будто по воде,
Блестает облако...
20 февраля 1921

РОДИНА ("как весной мой север призывает!")
Как весной мой север призывает!
О, мятежная свежесть его!
Золотой, распеваящий ливень,
А потом – торжество... торжество...
Облака восклицают невнятно.
Вся черемуха в звонких шмелях.
Тают бледно-лиловые пятна
На березовых светлых стволах.
Над шумливой рекою – тяжелой
От лазури влекомых небес –
Раскачнулся и замер веселый,
Но еще неуверенный лес.
В глубине изумрудной есть место,
Где мне пальцы трава леденит,
Где, как в сумерках храма невеста,
Первый ландыш, сияя, стоит...
Неподвижен, задумчиво-дивен
Ослепительный, тонкий цветок...
Как весной мой север призывает!
Как весной мой север далек!
27 марта 1921

МОЯ ВЕСНА
Всё загудело, всё блеснуло,
так стало шумно и светло!
В лазури облако блеснуло,
как лебединое крыло.
И лоснится, и пахнет пряно
стволов березовых кора,
и вся в подснежниках поляна,
и роща солнечно-пестра.
Вот серые, сырые сучья,
вот блески свернутых листков...
Как спутываются созвучья
гремящих птичьих голосов!
И, многозвучный, пьяный, вольный,
гуляет ветер, сам не свой.
И ухаёт звон колокольный
над темно-синюю рекой!
Ах, припади к земле дрожащей,
губами крепко припади,
к ее взволнованно звенящей,
благоухающей груди!
И, над тобою пролетая,
божественно озарена,
пусть остановится родная,
неизъяснимая весна!
1 мая 1921

"Как было бы легко, как песенно, как дружно"
Как было бы легко, как песенно, как дружно
мои моленья бы неслись,
когда бы мы в саду, во храме ночи южной
с тобой нечаянно сошлись.
Свет лунный по кустам, как лоск на мокрых сливах,
там серебрится среди полян.
Бестрепетны цветы. В аллеях молчаливых
медвяный, бархатный туман.
И ветерок вдали рождается, и вскоре
вздыхает жимолость во сне.
За кипарисами угадываешь море.

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

Чу! Море молится луне.
Скользит оно, скользит, сокрытой страстью вея,
и слышишь, и не слышишь ты,
и смутный мотылек, жужжа и розовея,
считает смутные цветы.
9. 7. 21.

ПЕТЕРБУРГ ("Так вот он, прежний чародей")

Так вот он, прежний чародей,
глядевший вдаль холодным взором
и гордый гулом и простором
своих волшебных площадей, –
теперь же, голодом томимый,
теперь же, падший властелин,
он умер, скорбен и один...
О город, Пушкиным любимый,
как эти годы далеки!
Ты пал, замученный, в пустыне...
О город бледный, где же ныне
твои туманы, рысаки,
и сизокрылые шинели,
и разноцветные огни?
Дома скосились, почернели,
прохожих мало, и они
при встрече смотрят друг на друга
глазами, полными испуга,
в какой-то жалобной тоске,
и все потухли, исхудали:
кто в бабьем выцветшем платке,
кто просто в ветхом одеяле,
а кто в тулупе, но босой.
Повсюду выросла и сгнила
трава. Средь улицы пустой
зияет яма, как могила;
в могиле этой – Петербург...
Столица нищих молчалива.
В ней жизнь угрюма и пуглива,
как по ночам мышиный шурк
в пустынном доме, где недавно
смеялись дети, пел рояль
и ясный день кружился плавно –
а ныне пыльная печаль
стоит во мгле бледно-лиловой;
вдовец завесил зеркала,
чуть пахнет ладаном в столовой,
и, тихо плача, жизнь ушла.
Пора мне помнится иная:
живое утро, свет, размах.
Окошки искрятся в домах,
блестит карниз, как меловая
черта на грифельной доске.
Собора купол вдалеке
мерцает в синем и молочном
весеннем небе. А кругом –
числа нет вывескам лубочным:
кривая прачка с утюгом,
две накрест сложенные трубки
сукна малинового, ряд
смазных сапог, – иль виноград
и ананас в охряном кубке,
или, над лавкой мелочной,
рог изобилья полустертый...
О, сколько прелести родной
в их смехе, красочности мертвой,
в округлых знаках, букве ять,
подобной церковке старинной!
Как, на чужбине, в час пустынный
все это больно вспоминать!

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

Брожу в мечтах, где брел когда-то.

Моя синеющая тень

струится рядом, угловато

перегибаясь. Теплый день

горит и ясно и неясно.

Посередине мостовой

седой в усах, городской

столбом стоит, и дворник красный

шуршит метлою. Не горя,

цветок жемчужный фонаря,

закрывшись сонно, повисает

на тонком, выгнутом стебле.

(Он в час вечерний воскресает,

и свет сиреневый во мгле

жужжит, втекая в шар сетистый,

и мошки ластятся к стеклу.)

Торчит из будки, на углу,

зеленовато-водянистый

юмористический журнал.

Три воробья неумоимо

клюют навоз. Проходят мимо

посыльный с бляхой, генерал,

в носочках лунных франт дебелый;

худая барышня в очках;

другая, в шляпе нежно-белой

и с завитками на щеках,

чуть отуманенных румянцем;

газетчик, праздный молодец;

в галошах мальчик с пегим ранцем;

шаров воздушных продавец

(знакомы с детства гроздь цветная,

передник, ножницы его).

Гляжу я, все запоминая,

не презирая ничего...

Морская улица. Под аркой,

на красной внутренней стене

бочком торчат, как гриб на пне,

часы большие. Синью жаркой,

перед дворцом, на мостовой

сияют лужи, и ограда

в них отразилась. Там, вдоль сада,

над обольстительной Невою,

в весенний день пройдешь, бывало:

дворцы как призраки легки,

весна гранит околдовала,

и риза синяя реки

вся в мутно-розовых заплатах.

Два смуглых столбика крылатых

за ней, у биржи, различишь.

Идет навстречу оборванец:

под мышкой клетка, в клетке чиж;

повеет вербой... Влажный глянец

на листьях липовых дрожит;

со скрипом жметя баржа к барже;

по круглым камням дребезжит

пролетка старая, – и стар же

убогий ванька, день-деньской

на облучке сидящий криво,

как кукла мягкая... Тоской

туманной, ласковой, стыдливой,

тоскою северной весны

цветы и звуки смягчены.

Да, были дни, – но беззаконно

сменила буря тишину.

Я помню, город погребенный,

твою последнюю весну,

когда на площади дворцовой,

махая тряпкою пунцовой,

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

вприсядку лихо смерть пошла!
Уже зима тускнела, мокла,
фиалка первая цвела,
но сквозь простреленные стекла
цветочных выставок протек
иных, болезненных растений
слащавый дух, подобный тени
блудницы пьяной, и цветков
бумажный, яростный и жалкий,
заместо мартовской фиалки,
весной искусственной дыша,
алел у каждого в петлице.
В своей таинственной темнице
Невы крамольная душа
очнулась; буйная свобода
ее окликнула, – но звон
могучий, вольный ледохода
иным был гулом заглушен.
Неискупимая година!
Слепая жизнь над бездной шла:
за ночью ночь, за мглюю мгла,
за льдиной тающая льдина...
Пьянел неистовый народ.
Безумец, каторжник, мечтатель,
поклонник радужных свобод,
картавый плут, чревоуещатель, –
сбежались все; и там и тут,
на площадях, на перекрестках,
перед народом на подмостках
захлебывался бритый шут...
Не надо, жизнь моя, не надо!
К чему их вопли вспоминать?
Есть чудно-грустная отрада:
уйти, не слушать, отстранять
день настоящий, как глухую
завесу, видеть пред собой
не взмах пожаров в ночь лихую,
а купол в дымке голубой,
да цепь домов веселых, хмурых,
оливковых, лимонных, бурых,
и кирку, будто паровоз
в начале улицы, над Мойкой.
О, как стремительно, как бойко
катился поезд, полный грез, –
мои сверкающие годы!
Крушенье было. Брошен я
в иные, чуждые края,
гляжу на зори через воды,
среди волнующейся тьмы...
Таких, как я, немало. Мы
блуждаем по миру бессонно
и знаем: город погребенный
воскреснет вновь; все будет в нем
прекрасно, радостно и ново, –
а только прежнего, родного,
мы никогда уж не найдем...
17 июля 1921

"От взгляда, лепета, улыбки"
От взгляда, лепета, улыбки
в душе глубокой иногда
свет загорается незыбкий,
восходит крупная звезда.
И жить не стыдно и не больно;
мгновенье учишься ценить,
и слова одного довольно,
чтоб все земное объяснить.
Груневальд, 31. 7. 21.

"Давно ль – по набережной снежной..."

Давно ль – по набережной снежной,
в пыли морозно-голубой,
шутя и нежно, и небрежно, –
мы звонко реяли с тобой?
Конь вороной под сеткой синей,
метели плеск, метели зов,
глаза, горящие сквозь иней,
и влажность облачных мехов,
и огонек бледно-лиловый,
скользящий по мосту шурша,
и смех любви, и цок подковы,
и наша вольная душа, –
все это в памяти хрустальной,
как лунный луч, заключено..
"Давно ль?" – и вторит мне печально
лишь эхо давнее: "давно..."
1921

ОСЕННИЕ ЛИСТЬЯ

Стою я на крыльце. Напротив обитает
ценитель древностей; в окошке пастушок
точеный выставлен. В лазури тучка тает,
как розовый пушок.
Гляди, фарфоровый, блестящий человек:
чернеют близ меня два голых деревца,
и сколько золотых рассыпленных сердечек
на ступенях крыльца.
8 ноября 1921

Кембридж

ХРАМ

Стоял костел незрублены,
а в том костеле три оконечки..
(Стих калик перехожих)
Тучи ходят над горами,
путник бродит по горам,
на утесе видит храм:
три оконца в этом храме
небольшом, да расписном;
в первом светится оконце
ослепительное солнце;
белый месяц – во втором;
в третьем звездочки... Прохожий!
Здесь начало всех дорог..
Солнце пламенное – Бог;
Месяц ласковый – сын Божий;
Звезды малые во мгле –
Божьи дети на земле.
4 декабря 1921

"В переулке на скрипке играет слепой..."

В переулке на скрипке играет слепой.
Здравствуй, осень!
Пляшут листья, летят золотою толпой.
Здравствуй, осень!
Медяки из окна покатались, звеня.
Славься, осень!
Ветер легкими листьями бросил в меня.
Славься, осень!
7 декабря 1921

НОЧЬ

Уж догорел лучистый край
летучей тучки, и, вздыхая,
ночь подошла... О, голубая,

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

о, величая, сияй,
сияй мне бесконечно: всюду,
где б ни застала ты меня, –
у кочевого ли огня
иль в гордом городе, – я буду,
о, звездная, как ныне, рад
твоей улыбке непостижной...
Я выпрямлюсь и взор недвижный
скрещу с твоим! О, как горят,
ночь ясная, твои запястья,
да, ослепи, да, опьяни...
Я лучшего не знаю счастья!
Ночь, ты развертываешь рай
над темным миром и, вздыхая,
на нас глядишь... О, голубая,
о, величая, сияй!
22 декабря 1921

"Мне снится: карлик я. Меня скрывают травы..."
Мне снится: карлик я. Меня скрывают травы;
Так страшно: крот – медведь, оса – крылатый тигр.
Вот жук, огромный жук, лоснящийся, лукавый;
Вот лягушат семья; боюсь их сонных игр...
Кто примет странника, кто сердце успокоит?
Там, где вчера упал березовый листок,
Там в келье молится мохнатый червячок;
Я постучусь к нему: он добрый, он откроет...
1922

"Мы вернемся, весна обещала..."
Мы вернемся, весна обещала,
о, мой тихий, тоскующий друг!
Поцелуем мы землю сначала,
а потом оглядимся вокруг.
Позабудем о пляске и плаче
бесновато уродливых дней...
Мы вернемся. Всё будет иначе,
где горячий был некогда луг.
Мы дороги иные отыщем,
мы построим иные дома...
Зреет нива на кладбище нищем,
где гроздилась зеленая тьма.
Млеет зелень младенческой рощи,
где горячий был некогда луг.
Всё иначе, отраднее, проще,
чем мы думали, милый мой друг!
январь 1922

"Уста земли великой и прекрасной"
Уста земли великой и прекрасной
в уста целуют жизнь мою.
Я брежу радугами страстно
и млечный свет из лунной чаши пью.
И я храним надеждой беззаветной:
я верю – Бог позволит мне
хоть луг один земли стоцветной
запечатлеть на тленном полотне.
январь 1922

"Ночь бродит по полям и каждую былинку..."
Ночь бродит по полям и каждую былинку
обводит узкою жемчужною каймой,
и точно в крупную, дрожащую росинку
земля заключена, средь вечности немой.
И светится трава, и клевер дышит сладко,
и дымка зыблется над пухом полевым,
и смерть мне кажется не грозною загадкой –
а этим реющим туманом медовым.

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
январь 1922

"Шепчут мне странники ветры..."
Шепчут мне странники ветры:
брат, вспоминаешь ли ты?
Утром, на севере светлом,
выше и тоньше цветы.
Дымчато влажное поле,
воздух – как детство Христа...
Это ль не лучшая доля?
Это ли не красота?
Стелется розовый шелест
чистой зари по лесам...
В небе ли солнце, в душе ли –
ты и не ведаешь сам...
январь 1922

ЗНАЕШЬ ВЕРУ МОЮ?
Слышишь иволгу в сердце моем шелестящем?
Голубую весной облака я люблю,
райский сахар на блюде блестящем;
и люблю я, как льются под осень дожди,
и под пестрыми кленами пеструю слякоть.
Есть такие закаты, что хочется плакать,
а иному шепнешь: подожди.
Если ветер ты любишь и ветки сырые,
Божьи звезды и Божьих зверьков,
если видишь при сладостном слове "Россия"
только даль, и дожди золотые, косые,
и в колосьях лазурь васильков, –
я тебя полюблю, как люблю я могучий,
пышный шорох лесов, и закаты, и тучи,
и мохнатых цветных червяков;
полюблю я тебя оттого, что заметишь
все пылинки в луче бытия,
скажешь солнцу: спасибо, что светишь.
Вот вся вера моя.
22 июня 1922

ПЕТЕРБУРГ ("Он на трясине был построен")
Он на трясине был построен
среди бури творческих времен:
он вырос – холоден и строен,
под вопли нищих похорон.
Он сонным грезам предавался,
но под гранитную пятой
до срока тайного скрывался
мир целый, – мстительно-живой.
Дышал он смертной отравой,
весь беззаконных полон сил.
А этот город величавый
главу так гордо возносил.
И оснеженный, в дымке синей
однажды спал он – недвижим,
как что-то в сумрачной трясине
внезапно вздрогнуло под ним.
И все кругом затрепетало,
и стоглагольный грянул зов:
раскрывшись, бездна отдавала
завороженных мертвецов.
И пошатнулся всадник медный,
и помрачился свод небес,
и раздавался крик победный:
"Да здравствует болотный бес".
июнь 1922

ВЕСНА
Ты снишься миру снова, снова, –

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

весна! – я душу распахнул;
в потоках воздуха ночного
я слушал, слушал горный гул!
Блаженный блеск мне веял в очи.
Лазурь торжественная ночи
текла над городом, и там,
как чудо, плавал купол смуглый,
и гул тяжелый, гул округлый
всходил к пасхальным высотам!
Клубились бронзовые волны,
и каждый звук, как будто полный
густого меда, оставлял
в лазури звездной след пахучий,
и Дух стокий, Дух могучий
восторг земли благословлял.
Восторг земли, дрожащей дивно
от бури, бури непрерывной
еще сокрытых, гулких вод... –
я слушал, в райский блеск влюбленный,
и в душу мне дышал бездонный
золотозвонный небосвод!
И ты с весною мне приснилась,
ты, буйнокудрая любовь,
и в сердце радостном забила
глубоким колоколом кровь.
Я встал, крылатый и высокий,
и ты, воздушная, со мной...
Весны божественные соки
о солнце бредят под землей!
И будут утром отраженья,
и световая пестрота,
и звон, и тени, и движенье,
и ты, о звучная мечта!
И в день видений, в вихре синем,
когда блеснут все купола, –
мы, обнаженные, раскинем
четыре огненных крыла!
Июль 1922

СУФЛЕР

С восьми до полночи таюсь я в будке тесной,
за книгой, много раз прочитанной, сижу
и слышу голос ваш... Я знаю – вы прелестны,
но, спутаться боясь, на вас я не гляжу.
Не ведаете вы моих печалей скрытых...
Я слышу голос ваш, надтреснутый слегка,
и в нем – да, только в нем, а не в словах избитых –
звучат пленительно блаженство и тоска.
Все так недалеко, все так недостижимо.
Смеетесь, плачете, стучите каблучком,
вблизи проходите, и платье, вея мимо,
вдруг обдает меня воздушным холодком.
А я – исполненный и страсти и страданья,
глазами странствуя по пляшущим строкам, –
я кукольной любви притворные признанья
бесстрастным шепотом подсказываю вам...
Октябрь 1922

ГРИБЫ

У входа в парк, в узорах летних дней
скамейка светит, ждет кого-то.
На столике железном перед ней
грибы разложены для счета.
Малютки русого боровика –
что пальчики на детской ножке.
Их извлекла так бережно рука
из темных люлек вдоль дорожки.
И красные грибы: иголки, слизь –

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

на шляпках выгнутых, дырявых.
Они во мраке влажном вознеслись
под хвоей елочек, в канавах.
и бурых подберезовиков ряд,
таких родных, пахучих, мшистых;
и слезы леса летнего горят
на корешочках их пятнистых.
А на скамейке белой – посмотри –
плетеная корзинка боком
лежит, и вся испачкана внутри
черничным лиловатым соком.
13 ноября 1922

РОССИЯ

Под окном моим, ночью, на улице, –
да на улице города чуждого, –
под окном, и в углу, в каждой комнате, –
в каждой комнате, – да неприветливой, –
наяву и во сне, – словно в зеркале
отраженье свечей многоликое, –
передо мною, за мною, – повсюду ты,
ах, повсюду стоишь, незабвенная!
Все мы – странники, нищие, гордые:
и цари-то и голь перекатная... –
заклинаем тебя, заклинаем мы:
где ты, лютая, где ты, любовная?
Отзовись! – Но молчишь ты, далекая, –
и глаза твои странникам чудятся, –
то лучистые, то затемненные,
как вода в полдень солнечно-ветряный...
А теперь ты печально потупилась,
одинокая ты, одинокая!
Скоро ль сын твой вернется из сумрака,
и возьмет тебя ласково за плечи,
и, безмолвно, глаза твои бедные
поцелуем откроет таинственным?
Ты потупилась, жалкая, чудная, –
и душа твоя – нива несжатая:
наклоняйтесь, колосья незримые, –
думы кроткие, думы великие!
Где же серп? Он – в забытой часовенке;
на иконе, туманной как облако, –
он белеет над ликом Спасителя...
Где же серп? Он в неведомом озере
в новолунье сияет, закинутый...
Ты потупилась, милая, милая!
Холодеешь в тумане мучительном;
твои руки бессильные светятся,
словно снежные ветви, недвижные...
Ах, летите, звените, весенники!
Да заплещут в лазури заплаканной
ветви яблони, яблони белые!..
Под окном моим, ночью, на улице, –
в моем сердце певучем и жалобном, –
за горами, за тучами, за морем, –
ты стоишь, о моя несравненная!..
Опечалена вестью пылающей,
расклубившейся мглою обвеяна,
одинокa, поругана многими, –
но родимая, но неизменная!..
Ноябрь 1922

"Ясноокий, как рыцарь из рати Христовой"
Ясноокий, как рыцарь из рати Христовой,
на простор выезжаю, и солнце со мной;
и последние стрелы дождя золотого
шелестят над истомой земной.
В золотое мерцанье, смиренный и смелый,

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

выезжаю из мрака на легком коне:
Этот конь – ослепительно, сказочно белый,
словно яблонный цвет при луне.
И сияющий дождь, золотясь, замирая
и опять загораясь – летит, и звучит
то земным изумленьем, то трепетом рая,
ударяя в мой пламенный щит.
И на латы слетает то роза, то пламя,
и в лазури живой над грозой бытия
вольно плещет мое лебединое знамя,
неподкупная юность моя!
1. 12. 22.

СНЕЖНАЯ НОЧЬ

Как призрак я иду, и реет в тишине
такая тающая нега –
что словно спишь в раю и чувствуешь во сне
порханье ангельского снега.
Как поцелуи губ незримых и немых,
снежинки на ресницах тают.
Иду, и фонари в провалах кружевных
слезами смутными блистают.
Ночь легкая, целуй, ночь медленная, лей
сладчайший снег зимы Господней, –
да светится душа во мраке все белей,
и чем белей – тем превосходней.
Так, ночью, в вышине воздушной бытия,
сквозь некий трепет слепо-нежный
навстречу призракам встает душа моя,
проникшись благодати снежной.
3 декабря 1922

НЕВЕСТА РЫЦАРЯ

Жду рыцаря, жду юного Ивэйна,
и с башни вдаль гляжу я ввечеру.
Мои шелка вздыхают легковейно,
и огневеет сердце на ветру.
Твой светлый конь и звон его крылатый
в пыли цветной мне снится с вышины.
Твои ли там поблескивают латы
иль блеска слез глаза мои полны?
Я о тебе слыхала от трувэра,
о странствиях, о подвигах святых.
Я ведаю, что истинная вера
душистей роз и сумерек моих.
Ты нежен был, – а нежность так жестока!
Одна, горю в вечерней вышине.
В блистанье битв, у белых стен Востока,
таишь любовь учтивую ко мне.
Но возвратись... Пускай твоя кольчуга
сомнет мою девическую грудь...
Я жду, Ивэйн, не призрачного друга, –
я жду того, с кем сладостно уснуть.
3 декабря 1922

ПЕГАС

Гляди: вон там, на той скале – пегас!
Да, это он, сияющий и бурный!
Приветствуй эти горы. День погас,
а ночи нет... Приветствуй час пурпурный.
Над крутизной огромный белый конь,
как лебедь, плещет белыми крылами, –
и вот взвился, и в тучи, над скалами,
плеснул копыт серебряный огонь.
Ударил в них, прожег одну, другую
и в исступленном пурпуре исчез.
Настала ночь. Нет мира, нет небес, –
все – только ночь. Приветствуй ночь нагую.

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

Вглядись в нее: копыта след крутой
узной в звезде, упавшей молчаливо.
И Млечный Путь плывет над темнотой
воздушной распущенной гривой.
6 декабря 1922

ВОЛЧОНОК

Один, в рождественскую ночь, скулит
и ежится волчонок желтоглазый.
В седом лесу лиловый свет разлит,
на пухлых елочках алмазы.
Мерцают звезды на ковре небес,
мерцая, ангелам щекочат пятки.
Взъерошенный волчонок ждет чудес,
а лес молчит, седой и гладкий.
Но ангелы в обителях своих
все ходят и советуются тихо,
и вот один прикинулся из них
большой пушистой волчихой.
И к нежным волочащимся сосцам
зверек припал, пыхтя и жмурясь жадно.
Волчонку, елкам, звездным небесам –
всем было в эту ночь отрадно.
8 декабря 1922

"Как объясню? Есть в памяти лучи"
Как объясню? Есть в памяти лучи
сокрытые; порою встрепенется
дремавший луч. О, муза, научи:
в понятный стих как призрак перельется?
Проезжий праздный в городе чужом,
я, невзначай, перед каким-то домом,
бессмысленно, пронзительно знакомым..
Стой! Может быть, в стихах мы только лжем,
темним и рвем сквозную мысль в угоду
размеру? Нет, я верую в свободу
разумную гармонии живой.
Ты понимаешь, муза, перед домом
мне, вольному бродяге, незнакомым,
и мне – родным, стою я сам не свой
и, к тайному прислушиваясь пенью,
все мелочи мгновенно узнаю:
в сплошном окне косую кисею,
столбы крыльца, и над его ступенью
я чувствую тень шага моего,
иную жизнь, иную чую участь
(дай мне слова, дай мне слова, певучесть),
все узнаю, не зная ничего.
Какая жизнь, какой же век всплывает,
в безвестных безднах памяти звеня?
Моя душа, как женщина, скрывает
и возраст свой, и опыт от меня.
Я вижу сны. Скитаюсь и гадаю.
В чужих краях жду поздних поездов.
Склоняюсь в гул зеркальных городов,
по улицам волнуящим блуждаю:
дома, дома; проулок; поворот
– и вот опять стою я перед домом
пронзительно, пронзительно знакомым,
и что-то мысль мою темнит и рвет.
Stettin, 10. 12. 22.

ЖУК

В саду, где по ночам лучится и дрожит
луна сквозь локоны мимозы, –
ты видел ли, поэт? – живой сапфир лежит
меж лепестков блаженной розы.
Я тронул выпуклый, алеющий огонь,

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

огонь цветка, и жук священный,
тяжелый, гладкий жук мне выпал на ладонь, –
казалось: камень драгоценный.
В саду, где кипарис, как черный звездочет,
стоит над лунною поляной,
где соловьиный звон всю ночь течет, течет, –
кто, кто любезен розе рдяной?
Не мудрый кипарис, не льстивый соловей,
а бог сапфирный, жук точеный;
с ним роза счастлива... Поэт, нужны ли ей
твои влюбленные пэоны?
17 декабря 1922

ЛЕГЕНДА О СТАРУХЕ, ИСКАВШЕЙ ПЛОТНИКА

Домик мой, на склоне, в Назарете,
почернел и трескается в зной.
Дождик ли стрекочет на рассвете, –
мокну я под крышею сквозной.
Крыс-то в нем, пушистых мухоловок,
скорпионов сколько... как тут быть?
Плотник есть: не молод и не ловок,
да, пожалуй, может подсобить.
День лиловый гладок был и светел.
Я к седому плотнику пошла;
но на стук никто мне не ответил,
постучала громче, пождала.
А затем толкнула дверь тугую,
и, склонив горящий гребешок,
с улицы в пустую мастерскую
шмыг за мной какой-то петушок.
Тишина. У стенки дремлют доски,
прислонясь друг к дружке, и в углу
дремлет блеск зазубренный и плоский
там, где солнце тронуло пилу.
Петушок, скажи мне, где Иосиф?
Петушок, ушел он, – как же так? –
все рассыпав гвоздики и бросив
кожаный передник на верстак.
Потопталась смутно на пороге,
восвояси в гору поплелась.
Камешки сверкали на дороге.
Разомлела, грезить принялась.
Всё-то мне, старухе бестолковой,
вспоминалась плотника жена:
поглядит, бывало, молвит слово,
улыбнется, пристально-ясна, –
и пройдет, осленка понукая,
лепестки, колючки в волосах, –
легкая, лучистая такая, –
а была, голубка, на сносях.
И куда ж они бежали ныне?
Грезя так, я, сгорбленная, шла.
Вот мой дом на каменной вершине, –
глянула – и в блеске замерла..
Преодо мной – обделанный на диво,
новенький и белый, как яйцо,
домик мой, с оливою радивой,
серебром купающей крыльцо!
Я вхожу... Уж в облаке лучистом
разметалось солнце за бугром.
Умиляюсь, плачу я над чистым,
синим и малиновым ковром.
Умер день. Я видела осленка,
петушка и гвоздики во сне.
День воскрес. Дивясь, толкуя звонко,
две соседки юркнули ко мне.
Милые! Сама помолодею
за сухой, за новую стеной!

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

Говорят: ушел он в Иудею,
старый плотник с юною женой.
Говорят: пришедшие оттуда
пастухи рассказывают всем,
что в ночи сияющее чудо
пролилось на дальний Вифлеем..
24 декабря 1922

FINIS[3]

Не надо плакать. Видишь, там – звезда,
там – над листвою, справа. Ах, не надо,
прошу тебя! О чем я начал? Да,
– о той звезде над чернотою сада;
на ней живут, быть может... что же ты,
опять! Смотри же, я совсем спокоен,
совсем... Ты слушай дальше: день был зноен,
мы шли на холм, где красные цветы..
Не то. О чем я говорил? Есть слово:
любовь, – глухой глагол: любить... Цветы
какие-то мне помешали. Ты
должна простить. Ну вот – ты плачешь снова.
Не надо слез! Ах, кто так мучит нас?
Не надо помнить, ничего не надо..
Вон там – звезда над чернотою сада..
Скажи – а вдруг проснемся мы сейчас?
9. 1. 23.

"Я видел смерть твою, но праздною мольбой"
Я видел смерть твою, но праздною мольбой
в час невозможный не обидел
голубогрудых птиц, дарованных тобой,
поющих в памяти. Я видел.
Я видел: ты плыла в серебряном гробу,
и над тобою звезды плыли,
и стыли на руках, на мертвом легком лбу
концы сырые длинных лилий.
Я знаю: нет тебя. Зачем же мне молва
необычайная перечит?
"Да полно, – говорит, – она жива, жива,
все так же пляшет и лепечет."
Не верю... Мало ли, что люди говорят.
Мой Бог и я – мы лучше знаем..
Глаза твои, глаза в раю теперь горят:
разлучены мы только раем.
10. 1. 23.

"Как затаю, что искони кочую"
Как затаю, что искони кочую,
что, с виду радостен и прост,
в душе своей невыносимо чую
громады, гул, кишенье звезд?
Я, жадный и дивящийся ребенок,
я, скрученный из гулких жил,
жемчужных дуг и алых перепонок, –
я ведаю, что вечно жил.
И за бессонные зоны странствий,
на всех звездах, где боль и Бог,
в горящем, оглушительном пространстве
я многое постигнуть мог.
И трудно мне свой чудно-бесполезный
огонь сдержат, крыло согнуть,
чтоб незначай дыханьем звездной бездны
земного счастья не спугнуть.
13. 1. 23.

ПЕТЕРБУРГ ("Мне чудится в Рождественское утро")
Мне чудится в Рождественское утро
мой легкий, мой воздушный Петербург...

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

Я странствую по набережной... Солнце
взошло туманной розой. Пухлым слоем
снег тянется по выпуклым перилам.
И рысаки под сетками цветными
проносятся, как сказочные птицы;
а вдалеке, за ширью снежной, тают
в лазури сизой розовые струи
над кровлями; как призрак золотистый,
мерцает крепость (в полдень бухнет пушка:
сперва дымок, потом раскат звенящий);
и на снегу зеленой бирюзой
горят квадраты вырезанных льдин.
Приземистый вагончик темно-синий,
пером скользя по проволоке тонкой,
через Неву пушистую по рельсам
игрушечным бежит себе, а рядом
расчищенная искрится дорожка
меж елочек, повоткнутых в сугробы:
бывало, сядешь в кресло на сосновых
полозьях, – парень в желтых рукавицах
за спинку хватать, – и вот по голубому
гудящему ледку толкает, крепко
отбрасывая ноги, косо ставя
ножи коньков, веревкой кое-как
прикрученные к валенкам, тупые,
такие же, как в пушкинские зимы...
Я странствую по городу родному,
по улицам таинственно-широким,
гляжу с мостов на белые каналы,
на пристани и рыбные садки.
Катки, катки – на Мойке, на Фонтанке,
в Юсуповском серебряном раю:
кто учится, смешно раскинув руки,
кто плавные описывает дуги,
и бегуны в рейтузах шерстяных
гоняются по кругу, перегнувшись,
сжав за спиной футляр от этих длинных
коньков своих, сверкающих как бритвы,
по звучному лоснящемуся льду.
А в городском саду – моем любимом –
между Невой и дымчатым собором,
сияющие, легкие виденья
сквозных ветвей склоняются над снегом,
над будками, над каменным верблюдом
Пржевальского, над скованным бассейном, –
и дети с гор катаются, гремят,
ложась ничком на бархатные санки.
Я помню все: Сенат охряный, тумбы
и цепи их чугунные вокруг
седой скалы, откуда рвется в небо
крутой восторг зеленоватой бронзы.
А там, вдали, над сетью серебристой,
над кружевами дивными деревьев –
там величаво плавает в лазури
морозом очарованный Исакий:
воздушный луч на куполе туманном,
подернутые инеем колонны...
Мой девственный, мой призрачный!.. Навеки
в душе моей, как чудо, сохранится
твой легкий лик, твой воздух несравненный,
твои сады, и дали, и каналы,
твоя зима, высокая, как сон
о стройности нездешней...

Ты растаял,
ты отлетел, а я влачу виденья
в иных краях – на площадях зеркальных,
на палубах скользящих... Трудно мне...
Но иногда во сне я слышу звуки

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

далекие, я слышу, как в раю
о Петербурге Пушкин ясноглазый
беседует с другим поэтом, поздно
пришедшим в мир и скорбно отошедшим,
любившим город свой непостижимый
рыдающей и реющей любовью.
И слышу я, как Пушкин вспоминает
все мелочи крылатые, оттенки
и отзвуки: "Я помню, – говорит, –
летучий снег, и Летний Сад, и лепет
Олениной... Я помню, как, женатый,
я возвращался с медленных балов
в карете дребезжащей по Мильонной,
и радуги по стеклам проходили,
но, веришь ли, всего живее помню
тот легкий мост, где встретил я Данзаса
в январский день, пред самую дуэлью..."
14 января 1923

РАЗМЕРЫ

Глебу Струве

Что хочешь ты? Чтоб стих твой говорил,
повествовал? – вот мерный амфибрахий...
А хочешь петь – в эоловом размахе
анапеста – звон лютен и ветрил.
Люби тройные отсветы лазури
Эгейской – в гулком дактиле; отметь
гекзаметра медлительного медь
и мрамор, – и виденье на цезуре.
Затем: двусложных волн не презирай;
есть бубенцы и ласточки в хорее:
он искрится всё звонче, всё острее,
торопится... А вот – созвучий рай –
резная чаша: ярче в ней, и слаще,
и крепче мысль; играет по краям
блеск, блеск живой! Испей же: это ямб,
ликующий, поющий, говорящий...
январь 1923

ЖЕМЧУГ

Посланный мудрейшим властелином
страстных мук изведать глубину,
тот блажен, кто руки сложит клином
и скользнет, как бронзовый, ко дну.
Там, исполнен сумрачного гула,
среди морских свивающихся звезд,
зачерпнет он раковину: чудо
будет в ней, лоснящийся нарост.
И тогда он вынырнет, раздвинув
яркими кругами водный лоск,
и спокойно улыбнется, вынув
из ноздрей побагровевший воск.
Я сошел в свою глухую муку,
я на дне. Но снизу, сквозь струи,
все же внемлю шелковому звуку
уносящейся твоей лады.
14 января 1923

СОН

Знаешь, знаешь, обморочно-пьяно
снилось мне, что в пропасти окна
высилась, как череп великана,
костяная, круглая луна.
Снилось мне, что на кровати, криво
выгнувшись под вздутой простыней,
всю подушку заливая гривой,
конь лежал атласно-вороной.

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

А вверху – часы стенные, с бледным,
бледным человеческим лицом,
поводили маятником медным,
полосуя сердце мне концом.
Сонник мой не знает сна такого,
промолчал, притих перед бедой
сонник мой с закладкой васильковой
на странице, читанной с тобой..
15 января 1923

ЧЕРЕЗ ВЕКА

В каком раю впервые прожурчали
истоки сновиденья моего?
Где жили мы, где встретились вначале,
мое кочующее волшебство?
Неслись века. При Августе, из Рима
я выслал в Байи голого гонца
с мольбой к тебе, но ты неуловима
и сказочной осталась до конца.
И не грустила ты, когда при звоне
сирийских стрел и рыцарских мечей
мне снилось: ты – за пряжей, на балконе,
под стражей провансальских тополей.
Среди шелков, левреток, винограда
играла ты, когда я по нагим
волнам в неведомое Эльдорадо
был генуэзским гением гоним.
Ты знаешь, калиостровской науки
мы оправданьем были: годы шли,
вставляли за разлуками разлуки
тоской богов и музыкой земли.
И снова в Термидоре одурелом,
пока в тюрьме душа тобой цвела,
а дверь мою тюремщик метил мелом,
ты в Кобленце так весело жила..
И вдоль Невы, всю ночь не спав, раз двести
лепажи зарядив и разрядив,
я шел, веселый, к Делии – к невесте,
все вальсы ей коварные простив.
А после, после, став вполоборота,
так поднимая руку, чтобы грудь
прикрыть локтем, я целился в кого-то
и не успел тугой курок пригнуть.
Вставляли за разлуками разлуки,
и вновь я здесь, и вновь мелькнула ты,
и вновь я обречен извечной муке
твоей неуловимой красоты.
16 января 1923

"В кастальском переулке есть лавчонка"

В кастальском переулке есть лавчонка:
колдун в очках и сизом сюртуке
слова, поблескивающие звонко,
там продает поэтовой тоске.
Там в беспорядке пестром и громоздком
кинжалы, четки – сказочный товар!
В углу – крыло, закапанное воском,
с пометкою привешенной: Икар.
По розам голубым, по пыльным книгам
ползет ручная древняя змея.
И я вошел, заплаканный, и мигом
смекнул колдун, откуда родом я.
Принес футляр малиново-зеленый,
оттуда лиру вытащил колдун,
новейшую: большой позолоченный
хомут и проволоки вместо струн.
Я отстранил ее... Тогда другую
он выложил: старинную в сухих

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
и мелких розах – лиру дорогую,
но слишком нежную для рук моих.
Затем мы с ним смотрели самоцветы,
янтарные, сапфирные слова,
слова-туманы и слова-рассветы,
слова бессилия и торжества.
И куклю, и завитками урны
колдун учтиво соблазнял меня;
с любовью гладил волосок лазурный
из гривы баснословного коня.
Быть может, впрямь он был необычаен,
но я вздохнул, откинул огоньки
камней, клинков – и вышел; а хозяин
глядел мне вслед, подняв на лоб очки.
Я не нашел. С усмешкою суровой
сложи, колдун, сокровища свои.
Что нужно мне? Одно простое слово
для горя человеческой любви.
17. 1. 23.

"И все, что было, все, что будет"
И все, что было, все, что будет,
и золотую жажду жить,
и то бессонное, что нудит
на звуки душу разложить,
все объясняли, вызывали
глаза возлюбленной земной,
когда из сумрака всплывали
они, как царство, предо мной.
18. 1. 23.

"Я где-то за городом, в поле..."
Я где-то за́ городом, в поле,
и звезды гулом неземным
плывут, и сердце вздулось к ним,
как темный купол гулкой боли.
И в некий напряженный свод –
и все труднее, все суровей –
в моих бессонных жилах бьет
глухое всхлипыванье крови.
Но в этой пустоте ночной,
при этом голом звездном гуле,
вложу ли в барабан резной
тугой и тусклый жемчуг пули.
И, дула кислотатый лед
прижав о высохшее небо,
в бесплотный ринусь ли полет
из разорвавшегося гроба?
Или достойно дар приму
великолепный и тяжелый, –
всю полнозвучность ночи голой
и горя творческую тьму?
20 января 1923

Трамвай
Вот он летит, огнями ночь пробив,
крылатые рассыпав перезвоны,
и гром колес, как песнопений взрыв,
а стекла – озаренные иконы.
И спереди – горящее число
и рая обычайное название.
Мгновенное томит очарованье
– и нет его, погасло, пронесло,
И в пенье ускользящего гула
и в углубленье ночи неживой –
как бы зарница зыбкой синевой
за ним на повороте полыхнула.
Он пролетел, и не осмыслить мне,

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
что через час мелькнет зарница эта
и стрекотом, и судорогой света
по занавеске... там... в твоём окне.
21. 1. 23.

Письма

Вот письма, все – твои (уже на сгибах тают
следы карандаша порывистого). Днём,
сложившись, спят они, в сухих цветах, в моем
душистом ящике, а ночью – вылетают,
полупрозрачные и слабые, скользят
и вьются надо мной, как бабочки: иную
поймаю пальцами, и на лазурь ночную
гляжу через нее, и звезды в ней сквозят.
23. 1. 23.

УЗОР

День за днем, цветущий и летучий,
мчится в ночь, и вот уже мертво
царство исполинское, дремучий
папоротник счастья моего.
Но хранится под землей беспечной,
в сердце сокровенного пласта,
отпечаток веерный и вечный,
призрак стрекозы, узор листа.
24 января 1923

Эфемеры

Посв. В. И. Полю

Спадая ризою с дымящихся высот
крутого рая – Слава! Слава! –
клубится без конца, пылает и ползет
поток – божественная лава...
И сила гулкая, встающая со дна,
вздувает огненные зыби:
растет горячая вишневая волна
с роскошной просинью на сгибе.
Вот поднялась горбом и пеной зацвела,
и нежно лопается пена,
и вырываются два плещущих крыла
из пламенеющего плена.
И ангел восстает стремительно-светло,
в потоке огненном зачатый,
– и в жилках золотых прозрачное крыло
мерцает бахромой зубчатой.
И беззаветную хвалу он пропоет,
на миг сияя над потоком,
– сквозными крыльями восторженно всплеснет,
исчезнет в пламени глубоком.
И вот возник другой из пышного огня,
с таким же возгласом блаженства:
вся жизнь его звенит и вся горит, звеня,
и вся – мгновенье совершенства.
-- --
И если смутно мне, и если даль мутна,
я призываю эти зыби:
растет горячая вишневая волна
с роскошной просинью на сгибе...
26. 1. 23.

"Ты все глядишь из тучи темно-сизой..."
Ты все глядишь из тучи темно-сизой,
и лилия – в светящейся руке;
а я сквозь сон молю о лепестке
и все ищу в изгибах смутной ризы
изгиб живой колена или плеча.
Мне твоего не выразить подобья

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
ни в музыке, ни в камне... Исподлобья
глядят в мой сон два горестных луча.
27 января 1923

"и утро будет: песни, песни..."
И утро будет: песни, песни,
каких не слышно и в раю,
и огненный промчится вестник,
взвив тонкую трубу свою!
Распахивая двери наши,
он пронесется, протрубит,
дыханьем расправляя чаши
неупиваемых обид.
Весь мир, извилистый и гулкий,
неслышанные острова,
немыслимые закоулки, –
как пламя, облетит молва.
Тогда-то, с плавностью блаженной,
как ясновидящие, все
поднимемся – и в путь священный
по первой утренней росе!..
30 января 1923

"Глаза прикрою – и мгновенно"
Глаза прикрою – и мгновенно,
весь легкий, звонкий весь, стою
опять в гостиной незабвенной,
в усадьбе, у себя, в раю.
И вот из зеркала косо
под лепетанье хрусталаей
глядят фарфоровые совы –
пенаты юности моей.
И вот, над полками, гортензий
легчайшая голубизна,
и солнца луч, как Божий вензель,
на венском стуле, у окна.
По потолку гудит досада
двух заплутавшихся шмелей,
и веет свежестью из сада,
из глубины густых аллей,
неизъяснимой веет смесью
еловой, липовой, грибной:
там, по сырому пестролесью,
– свист, щебетанье, гам цветной!
А дальше – сон речных извилин
и сенокоса тонкий мед.
Стой, стой, виденье! Но бессилен
мой детский возглас. Жизнь идет,
с размаху небеса ломая,
идет... ах, если бы навек
остаться так, не разжимая
росистых и блаженных век!
3. 2. 23.

ГЕКСАМЕТРЫ ("Смерть – это утренний луч, пробужденье весеннее")
Памяти В. Д. Набокова

Смерть – это утренний луч, пробужденье весеннее.
Верю,
ты, погруженный в могилу, ты, пробужденный,
свободный,
ходишь, сияя незримо, здесь, между нами – до срока,
спящими...
О, наклонись надо мной, сон мой подслушай –
снятся мне слезы, снятся напевы, снятся молитвы...
Сплю я, раскинув руки, лицом обращенный к звездам:
в сон мой стекает мерцающий свет, оттого-то
прозрачны

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
безнадёжно чужими.

Я молчал, и спросила она на своем языке:

"Ты меня уж забыл?" –
и не в силах я был
объяснить,

что я там, далеко, на реке
илистой, тинистой, с именем милым,
с именем, что камышовая тишь...

Это словно из ямочки в глине
черно-синий

выстрелит стриж.

И вдоль по сердцу
носится

с криком своим изумленным: вий-вии!

Это было в России,

это было в раю...

Вот,

гладкая лодка плывет
в тихоструйную юность мою,
мимо леса,

полного иволог, солнца, прохлады грибной,
мимо леса,

где березовый ствол чуть сквозит белизной
стройной

в буйном бархате хвойном,
мимо красных крутых берегов

парчевых островков,

мимо плавных полянок сырых, в скабиозах
и лютиках.

Раз! – и тугие уключины
звякают, – раз! – и весло на весу

проливает огнистые слезы

в зеленую тень.

Чу! – в прибрежном лесу

кто-то легко зааукал...

Дремлет цветущая влага, подковы

листьев ползучих, фарфоровый купол
цветка

водяного.

Как мне запомнилась эта река,
узорная, узкая.

Вечереет...

(и как объяснить,

что значило русское

"вечереет?")

стрекоза, бирюзовая нить,

два крыла слюдяных – замерла

на перилах купальни...

Солнце в черемухах. Колокол дальний.

Тучки румяные, русые.

Червячка из чехла

выжмешь, за усики

вытащишь, и на крючок.

Ждешь. Клюет.

Сладко дрогнет леса, и блеснет,

шлепнет о мокрые доски

голубая плотва, головастый бычок

или хариус жесткий.

А когда мне удить надоест,

на деревянный навес

взберусь

(...Русь!..)

и оттуда беззвучно ныряю

в отраженный закат...

Ослепленный, плыву наугад,

ширяю,

навзничь ложусь – и не ведаю, где я –

в небесах, на воде ли.

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

Мошкара надо мною качается
вверх и вниз, вверх и вниз – без конца..
Вечер кончается.
Осторожно сдираю с лица
липкую травку.
В щиколку щиплет малявка:
сладок мне рыбий
слепой поцелуй.
В лиловоюющей зыби
узел огненных струй –
и плыву я,
горю,
глотаю зарю
вечеровую..

А теперь в бесприютном краю,
уж давно не снимая котомки,
качаю – ловлю я, качаю – ловлю
строки о русской речонке,
строки, как отблески солнца, бессвязные..
А ведь реки, как души, все разные,
нужно,
чтоб соседу поведать о них,
знать, пожалуй, русалочий лепет жемчужный,
изумрудную речь водяных.
Но у каждого в сердце, где клад заковала
кочевая стальная тоска,
отзывается внятно, что сердцу, бывало,
напевала родная река..
8 апреля 1923

Берлин

БАРС
Пожаром яростного крапа
маячу в травяной глуши,
где дышит след и росный запах
твоей промчавшейся души.
И в нестерпимые пределы,
то близко, то вдали звеня,
летит твой смех обезумелый
и мучит и пьянит меня.
Луна пылает молодая,
мед каплет на мой жаркий мех;
бьет, скатывается, рыдая,
твой задыхающийся смех.
И в липком сумраке зеленом,
пожаром гибким и слепым,
кружусь я, опьяненный звоном,
полетом, запахом твоим..
Но не уйдешь ты! В полнолуние
в тиши настигну у ручья,
сомну тебя, мое безумье
серебряное, лань моя.
13 апреля 1923

"Когда я по лестнице алмазной.."
Когда я по лестнице алмазной
поднимусь из жизни на райский порог,
за плечом, к дубинке легко привязан,
будет заплатанный узелок.
Узнаю: ключи, кожаный пояс,
медную плешь Петра у ворот.
Он заметит: я что-то принес с собою –
и остановит, не отопрет.
"Апостол, – скажу я, – пропусти мя!.."
Перед ним развяжу я узел свой:
два-три заката, женское имя
и темная горсточка земли родной..

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

Он поводит строго бровью седую,
но на ладони каждый изгиб
пахнет еще гефсиманской росой
и чешуей иорданских рыб.
И потому—то без трепета, без грусти
приду я, зная, что, звякнув ключом,
он улыбнется и меня пропустит,
в рай пропустит с моим узелком.
21 апреля 1923

НА ОЗЕРЕ

В глазах рябило от резьбы
оранжевой и черной зыби,
и плыл к огню — к библейской глыбе
закат — сумрак из трубы.
И, черный жар и дым мохнатый
следя торжественно с кормы,
следя прибрежный бор зубчатый, —
в очарованье плыли мы.
И Сердце было так прозрачно,
так пел прожженный Богом свод,
что бор, и озеро, и дачный,
дымящий глухо пароход, —
приобретали незаметно
значение чуда в этот час, —
и в темной зыби женских глаз
плыл и дышал огонь стоцветный.
22 апреля 1923

"В часы трудов счастливых и угрюмых"
В часы трудов счастливых и угрюмых
моя благая слушает тоска,
как долгой ночью в исполинских думах
ворочаются в небе облака.
Ударит и скользнет Господь по лире,
здесь отзвук — свет еще одной зари...
Здесь все творит в сладчайшем этом мире
и от меня все требует: твори.
Гул дантовский в тебе я слышу, тополь,
когда ты серебришься пред грозой,
и муравьиный вижу я Акрополь,
когда гляжу на хвойный холм живой.
Поет вода, молясь легко и звонко,
и мотыльковых маленьких мадонн
закат в росинки вписывает тонко
под светлый рассыпающийся звон.
Так как же мне, в часы нагие ночи
томясь в себе, о, как же не творить,
когда весь мир, весь мир упрямый хочет
со мной дышать, гореть и говорить?
28. 4. 23.

"О, как ты рвешься в путь крылатый..."
О, как ты рвешься в путь крылатый,
безумная душа моя,
из самой солнечной палаты
в больнице светлой бытия!
И, бредя о крутом полете,
как топчешься, как бьешься ты
в горячечной рубашке плоти,
в тоске телесной тесноты!
Иль, тихая, в безумье тонком
гудишь-звенишь сама с собой,
вообразив себя ребенком,
сосною, соловьем, совой.
Поверь же соловьям и совам,
терпи, самообман любя, —
смерть громыхнет тугим засовом

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
и в вечность выпустит тебя.

2 мая 1923

ГЕКСАМЕТРЫ

ЧУДО

В жизни чудес не ищи; есть мелочи – родинки жизни;
мелочь такую заметь – чудо возникнет само.

Так мореход, при луне увидавший моржа на утесе,
внуков своих опьянит сказкой о деде морской.

ОЧКИ ИОСИФА

Слезы отри и послушай: в солнечный полдень старый
плотник очки позабыл на своем верстаке. Со смехом
мальчик вбежал в мастерскую, замер, заметил, подкрался,
тронул легкие стекла, и только он тронул – мгновенно
по миру солнечный зайчик стрельнул, заиграл по далеким
пасмурным странам, слепых согревая и радуя зрячих.

6 мая 1923

СЕРДЦЕ

Бережно нес я к тебе это сердце прозрачное. Кто-то
в локоть толкнул, проходя. Сердце, на камни упав,
скорбно разбилось на песни. Прими же осколки.

Не знаю,

кто проходил, подтолкнул: сердце я бережно нес.

7 марта 1923

ПАМЯТИ ГУМИЛЕВА

Гордо и ясно ты умер, умер, как Муза учила.

Ныне, в тиши Елисейской, с тобой говорит о летящем
медном Петре и о диких ветрах африканских – Пушкин.

19 марта 1923

"Нет, бытие – не зыбкая загадка!"

Нет, бытие – не зыбкая загадка!

Подлунный дол и ясен, и росист.

Мы – гусеницы ангелов; и сладко

въедаться с краю в нежный лист.

Рядись в шипы, ползи, сгибайся, крепни,

и чем жадней твой ход зеленый был,

тем бархатистей и великолепней

хвосты освобожденных крыл.

6. 5. 23.

ГРОЗА

Стоишь ли, смотришь ли с балкона,

деревья ветер гнет и сам

шалеет от игры, от звона

с размаху хлопающих рам.

Клубятся дымы дождевые

по заблеставшей мостовой

и над промокшею впервые

зелено-яблочной листвой.

От плеска слепну: ливень, снег ли,

не знаю. Громовой удар,

как будто в огненные кегли

чугунный прокатился шар.

Уходят боги, громыхая,

стихает горняя игра,

и вот вся улица пустая –

лист озаренный серебра.

И с неба липою пахнуло

из первой ямки голубой,

и влажно в памяти скользнуло,

как мы бежали раз с тобой:

твой лепет, завитки сырые,

лучи смеющихся ресниц.

Наш зонтик, капли золотые

на кончиках раскрытых спиц...

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
7 мая 1923

"Я странствую... Но как забыть? Свистящий"
я странствую... Но как забыть? Свистящий
рвал ветер твой платок, дышал прибой,
дышала ты... на гальке шелестящей
прощался я с отчизной и тобой.
Мотало ялик. Полоса тумана
луну пересекала пополам,
вздыхало море отгулом органа,
стекало по заплаканным скалам.
И ты на небывалое изгнание
благословляла жалобно меня,
и снилось мне, что ночь твое дыханье,
что ты умрешь при мановенье дня.
И клялся я, что вечно и повсюду,
на всех распутьях мировой глуши,
о, как беречь, как праздновать я буду
гнев и любовь – бессонницу души.
И море встало. Холодом и дымом
отхлынул берег, весь тобой звеня.
Я странствую... На берегу родимом
ты, верная, еще не ждешь меня.
Берлин, май 1923 г.

ВСТРЕЧА

И странной близостью закованный..
А. Блок
Тоска, и тайна, и услада..
Как бы из зыбкой черноты
медлительного маскарада
на смутный мост явилась ты.
И ночь текла, и плыли молча
в ее атласные струи
той черной маски профиль волчий
и губы нежные твои.
И под каштаны, вдоль канала,
прошла ты, искоса маня;
и что душа в тебе узнала,
чем волновала ты меня?
Иль в нежности твоей минутной,
в минутном повороте плеч
переживал я очерк смутный
других – неповторимых – встреч?
И романтическая жалость
тебя, быть может, привела
понять, какая задрожала
стихи пронзившая стрела?
Я ничего не знаю. Странно
трепещет стих, и в нем – стрела..
Быть может, необманной, жданной
ты, безымянная, была?
Но недоплаканная горесть
наш замутила звездный час.
Вернулась в ночь двойная прорезь
твоих – непросиявших – глаз..
Надолго ли? Навек?.. Далече
брожу и вслушиваюсь я
в движенье звезд над нашей встречей.
И если ты – судьба моя..
Тоска, и тайна, и услада,
и словно дальняя мольба..
Еще душе скитаться надо.
Но если ты – моя судьба..
1 июня 1923

ПРОВАНС

1. Прованс

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

Как жадно, затая дыханье,
склоня колена и плеча,
напьюсь я хладного сверканья
из придорожного ключа.
И, запыленный и счастливый,
лениво развяжу в тени
евангелической оливы
сандалий узкие ремни.
Под той оливой, при дороге,
бродячей радуясь судьбе,
без удивленья, без тревоги,
быть может, вспомню о тебе.
И, пеньем дум моих влекома,
в лазури лиловой дня,
в знакомом платье незнакома,
пройдешь ты, не узнав меня.
15 июня 1923

Сольес-Пон

2 Солнце

Слоняюсь переулками без цели,
прислушиваюсь к древним временам:
при Цезаре цикады те же пели,
и то же солнце стлалось по стенам.
Поет платан, и ствол в пятнистом блеске;
поет лавчонка; можно отстранить
легко звенящий бисер занавески:
поет портной, вытягивая нить.
И женщина у круглого фонтана
поет, полощет синее белье,
и пятнами ложится тень платана
на камни, на корзину, на нее.
Как хорошо в звенящем мире этом
скользить плечом вдоль меловых оград,
быть русским заблудившимся поэтом
среди лепета латинского цикад!
Сольес-Пон, 1923 г.

ПЕСНЯ

Верь: вернутся на родину все –
вера ясная, крепкая: с севера
лыжи неслышные, с юга
ночная фелюга.

Песня спасет нас.

Проулками в гору
шел я, в тяжелую шел темноту,
чуждый всему – и крутому узору
черных платанов, и дальнему спору
волн, и кабацким шарманкам в порту.
Ветер прошел по листьям искривленным,
ветер, мой пьяный и горестный брат,
и вдруг затих под окном озаренным:
ночь, ночь – и янтарный квадрат.
Кто-то была та, чей голос горящий
русскою песней гремел за окном?
В сумраке видел я отблеск горящий,
слушал ее под поющим окном.
Как распевала она! Проплывало
сердце ее в лучезарных струях,
как тосковала,
как распевала,
молясь былому в чужих краях,
о полнолуние небывалом,
о небывалых соловьях.
И в темноте пылали звуки –
рыдающая даль любви,
даль – и цыганские разлуки,

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

ночь, ночь – и в роще соловьи.
Но пронёсился ветер с моря
дыханьем соли и вина,
и гармонического горя
спала жаркая волна.
Касался грубо ветер с моря
глициний вдоль ее окна,
и вновь, как бы в блаженстве горя,
пылала звуками она..
О чем? О лепестке завялом,
о горестной своей красе,
о полнолуние небывалом,
о небывалом –
ветер! Вернутся на родину все –
вера ясная, крепкая: с севера
лыжи неслышные, с юга ночная фелюга..
Все.
19 июня 1923

Сольес-Пон

"Живи, звучи, не поминай о чуде..."
Живи, звучи, не поминай о чуде, –
но будет день: войду в твой скромный дом,
твой смех замрет, ты встанешь: стены, люди –
всё поплывет, – и будем мы вдвоем..
Прозрешь ты в тот миг невыразимый,
спадут с тебя, рассыплются, звеня,
стеклом поблескивая дутым, зимы
и весны, прожитые без меня..
Я пламенем моих бессонниц, хладом
моих смятений творческих прильну,
взгляну в тебя – и ты ответишь взглядом
покорным и крылатым в вышину.
Твои плеча закутав в плащ шумящий,
я по небу, сквозь звездную росу,
как через луг некошенный, дымящий,
тебя в свое бессмертье унесу..
Июнь 1923

"Зовешь, – а в деревце гранатовом совенки"
Зовешь, – а в деревце гранатовом совенки
полаивает, как щенок.
В вечерней вышине так одинок и звонок
луны изогнутый клинок.
Зовешь, – и плещет ключ вечерней лазурию.
Как голос твой, вода свежа,
и в глиняный кувшин, лоснящийся глазурию,
луна вонзается дрожа.
26. 7. 23.

"Как бледная заря, мой стих негромок"
Как бледная заря, мой стих негромок,
и кратко звуковое бытие,
и вряд ли мой разборчивый потомок
припомнит птичье прозвище мое.
Что ж делать, муза, жизнь моя. Мы будем
в подстрочном примечанье скромно жить..
Не прозвенеть, не высказать мне людям,
что надо Божьей тенью дорожить.
Что Божья тень волнистая сквозь наши
завесы разноцветные видна;
что день и ночь – две дорогие чаши
живой воды и звездного вина.
Не прозвенеть, не высказать – и скоро
мою забудут бледную зарю,
и первая забудет та, которой
последние лучи я подарю.

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
И все же, муза, счастлив я... Ты нежность,
ты – тишина; с тобой нельзя грустить;
ты в пенье дней житейскую мятежность,
как лишний слог, не можешь допустить.
31. 8. 23.

"Ночь свищет, и в пожары млечные"
Ночь свищет, и в пожары млечные,
в невероятные края,
доваливаясь в бездны вечные,
идет по звездам мысль моя,
как по волнам во тьме неистовой,
где манит Господа рука
растрепанного, серебристого,
скользящего ученика...
2. 9. 23.

РОДИНА
Когда из родины звенит нам
сладчайший, но лукавый слух, –
не празднословью, не молитвам
мой предается скорбный дух.
Нет, – не из сердца, вот отсюда,
где боль неукротима, вот –
крылом, окровавленной грудой,
обрубком костяным – встает
мой клекот, клекотанье: Боже,
Ты, отдыхающий в раю, –
на смертном, на проклятом ложе
тронь, воскреси – ее... мою!..
23 сентября 1923

ОЛЕНЬ
Слова – мучительные трубы,
гремящие в глухом лесу, –
следят, переключаясь грубо,
куда я пламя пронесу.
Но что мне лай Дианы жадной,
ловитвы топот и полет?
Моя душа – олень громадный –
псов обезумевших стряхнет.
Стряхнет – и по стезе горячей
промчится, распахнув рога,
сквозь черные ночные чащи
на огненные берега!
23 сентября 1923

"Я помню в плюшевой оправе"
Я помню в плюшевой оправе
дагерротипную мечту
и очи в северной дубраве,
и губы в громовом порту.
Но ты... Прямой и тонкой тенью,
как бы ступая по стеклу,
внимая призрачному пенью,
вникая пристально во мглу,
– во мглу, где под железным кленом
я ждал, где, завернув с угла,
сквозные янтари со стоном
текли в сырые зеркала –
безгласно в эту мглу вошла ты,
и все, что скучно было встарь,
все сказкой стало: клен зубчатый,
геометрический фонарь...
Ты... Платье черное мне снится,
во взгляде сдержанный огонь,
мне тихо на рукав ложится
продолговатая ладонь.

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

И вдруг, улыбкою нежданной
блеснув, указываешь мне:
клин теневой, провал обманный
на бледной, на косоj стене.
Да, правда: город угловатый
играет жизнью колдовской
с тех пор, как в улицу вошла ты
своей стеклянною стопой.
И в этом мире небывалом
теней и света мы одни.
Вчера нам снились за каналом
венецианские огни.
И Гофман из зеркальной двери
вдруг вышел и в плаще прошел,
а под скамьею в темном сквере
я веер костяной нашел.
И непонятный выступ медный
горит сквозь дальнее стекло,
а на стене, косоj и бледной –
откуда? – черное крыло.
Гадаю, все ты отмечаешь,
все игры вырезов ночных,
заговорю ли – отвечаешь,
как бы доканчивая стих.
Таинственно скользя по гласным,
ты шепчешь, замираешь ты,
и на лице твоём неясном
ловлю я тень моей мечты.
А там над улицею сонной,
черты земные затая,
стеною странно освещенной
стоит за мною жизнь моя.
Берлин, 25. 9. 23.

"Санкт-Петербург – узорный иней,"
Санкт-Петербург – узорный иней,
ex libris[4] беса, может быть,
но дивный... Ты уплыл, и ныне
мне не понять и не забыть.
Мой Пушкин бледной ночью, летом,
сей отблеск объяснял своей
Олениной, а в пенье этом
сквозная тень грядущих дней.
И ныне: лепет любопытных,
прах, нагота, крысиный шурк
в книгохранилищах гранитных;
и ты уплыл, Санкт-Петербург.
И долетая сквозь туманы
с воздушных площадей твоих,
меня печалит музы пьяной
скуластый и осипший стих.
Берлин, 25. 9. 23.

АВТОБУС

Расшатывая сумрак бурый
огнями, жестяным горбом,
на шинах из слоновой шкуры
гремящий прокатился дом.
И вслед качнувшейся громаде,
как бы подхвачен темнотой,
я кинулся и вспрыгнул сзади,
и взмыл по лестнице витой.
И там, придерживая шляпу,
в свистящей сырости ночной
я видел: выбросила лапу
и скрылась ветка надо мной.
И вспомнил допотопный ужас,
бег, топот, выгибы клыков...

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

Пускай в гранатовые лужи
стекают стекла кабаков,
– пожарище тысячелетий,
душа дремучая моя,
отдай же мне огонь и ветер,
грома иного бытия!
Когда я легкий, низколобый
на ветке повисал один
над обезумевшею злобой
бегущих мамонтовых спин.
5. 10. 23

"И в Божий рай пришедшие с земли..."
И в Божий рай пришедшие с земли
устали, в тихом доме прилегли..
Летают на качелях серафимы
под яблонями белыми. Скрипят
веревки золотые. Серафимы
кричат взволнованно..
А в доме спят, –
в большом, совсем обыкновенном доме,
где Бог живет, где солнечная лень
лежит на всем; и пахнет в этом доме,
как, знаешь ли, на даче – в первый день..
Потом проснутся; в радостной истоме
посмотрят друг на друга; в сад пройдут –
давным-давно знакомый и любимый..
О, как воздушно яблони цветут!..
О, как кричат, качаясь, серафимы!..
Ноябрь 1923

"Милая, нежная – этих старинных"
Милая, нежная – этих старинных,
песенных слов не боюсь, и пою..
О, наклоняйся из сумерек длинных
в светлую бездну мою!
Я подарю тебе солнечной масти
рьяных коней, колесницу в цветах,
ибо сейчас я не пристальный мастер,
я – изумленье и взмах.
Милая, нежная, я не ошибся,
часто мне женские снились черты.
Все они были из ломкого гипса,
золото легкое – ты.
Это, пойми, не стихи, а дыханье,
мреющий венчик над страстью моей,
переходящий в одно колыханье
неизмеримых зыбей.
17. 10. 23.

"Из мира уползли – и ноют на луне..."
Из мира уползли – и ноют на луне
шарманщики воспоминаний..
Кто входит? Муза, ты? Нет, не садись ко мне:
я только пасмурный изгнанник.
Полжизни – тут, в столе; шуршит она в руках;
тетради трогаю, хрустящий
клин веера, стихи – души певучий прах, –
и грудью задвигаю ящик..
И вот уходит всё, и я – в тенях ночных,
и прошлое горит неярно,
как в черепае сквозном, в провалах костяных
зажженный восковой огарок..
И ланнеровский вальс не может заглушить..
Откуда?.. Уходи.. Не надо..
Как были хороши.. Мне лепестков не сшить,
а тлен цветочный сладок, сладок..
Не говори со мной в такие вечера,

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
в часы томленья и тумана,
когда мне чудится невнятная игра
ушедших на луну шарманок...
18 ноября 1923

ВЛАСТЕЛИН

Я Индией невидимой владею:
приди под синеву мою.
Я прикажу нагому чародею
в запястье обратить змею.
Тебе, неопикуемой царевне,
отдам за поцелуй Цейлон,
а за любовь – весь мой роскошный, древний,
тяжелозвездный небосклон.
Павлин и барс мой, бархатно-горящий,
тоскуют; и кругом дворца
шумят, как ливни, пальмовые чащи,
все ждем мы твоего лица.
Дам серьги – два стекающих рассвета,
дам сердце – из моей груди.
Я царь, и если ты не веришь в это,
не верь, но все равно, приди!
7 декабря 1923

РОЖДЕСТВО

Свеча прозрачная мигает.
В окно синееет Рождество.
Где ты живешь? Где пробегает
дыханье платья твоего?
И у шарахнувшейся двери
какого гостя среди гостей
встречают бархатные перья
твоих стремительных бровей?
А помнишь – той зимой старинной, –
как жадно ты меня ждала,
как елка выросла в гостиной
и лапой в зеркало вросла.
На лесенке, чуть прикасаясь
рукою к моему плечу,
другую тянешь, зажигая
свечу на ветке об свечу.
Горят под золотистым газом
лучи раскинутых ключиц,
а елка – в дымчатых алмазах,
в дрожанье льющихся зарниц.
И спрыгиваешь со ступени –
как бы вдоль сердца моего, –
и я один... Мигают тени.
В окно синееет Рождество.
Свеча сияющая плачет,
и уменьшенный образ твой
течет жемчужиной горячей,
жемчужиною восковой.
25 декабря 1923

ВИДЕНИЕ

В снегах полуночной пустыни
мне снилась мать всех берез,
и кто-то – движущийся иней –
к ней тихо шел и что-то нес.
Нес на плече, в тоске высокой,
мою Россию, детский гроб;
и под березой одинокой
в бледно-пылящийся сугроб
склонился в трепетанье белом,
склонился, как под ветром дым.
Был предан гробик с легким телом
снегам невинным и немым.

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

И вся пустыня снеговая,
молясь, глядела в вышину,
где плыли тучи, задевая
крылами тонкими луну.
В просвете лунного мороза
то колебалась, то в дугу
сгибалась голая береза,
и были тени на снегу –
там, на могиле этой снежной,
сжимались, разгибались вдруг,
заламывались безнадежно,
как будто тени Божьих рук.
И поднялся, и по равнине
в ночь удалился навсегда
лик Божества, виденье, иней,
не оставляющий следа...
16 января 1924

НА РАССВЕТЕ

Я показывал твой смятый снимок
трем блудницам. Плыл кабак ночной.
Рассвело. Убогий город вымок
в бледном воздухе. Я шел домой.
Освещенное окно, где черный
человечек брился, помню; стон
первого трамвая; и просторный,
тронутый рассветом небосклон.
Боль моя лучи свои простерла,
в небеса невысохшие шла.
Голое переполнялось горло
судорогой битого стекла.
И окно погасло: кончил бриться.
День рабочий, бледный, впереди.
А в крови все голос твой струится:
"навсегда", сказала, «уходи».
И подумала; и где-то капал
кран; и повторила: «навсегда».
В обмороке, очень тихо, на пол
тихо соскользнула, как вода.
Берлин, 8. 2. 24.

СКИТАЛЬЦЫ

За громадные годы изгнанья,
вся колючим жаром дыша,
исходила ты мирозданья,
о, косматая наша душа.
Семимильных сапог не обула,
и не мчал тебя чародей,
но от пыльных зловоний Стамбула
до парижских литых площадей,
от полярной губы до Бискры,
где с арабом прильнула к ручью,
ты прошла и сыпала искры,
если трогали шерсть твою.
Мы, быть может, преступнее, краше,
голодней всех племен мирских.
От языческой нежности нашей
умирают девушки их.
Слишком вольно душе на свете.
Встанет ветер всея Руси,
и душа скитальцев ответит,
и ей ветер скажет: неси.
И по ребрам дубовых лестниц
мы прикатим с собой на пир
бочки солнца, тугие песни
и в рогожу завернутый мир.
27 февраля 1924

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

ОКНО

При луне, когда косую крышу
лижет металлический пожар,
из окна случайного я слышу
сладкий и пронзительный удар
музыки; и чувствую, как холод
счастья мне душу обдаёт;
кем-то ослепительно расколот
лунный мрак; и медленно в полет
собираюсь, вынимаю руки
из карманов, трепещу, лечу,
но в окне мгновенно гаснут звуки,
и меня спокойно по плечу
хлопает прохожий: "Вы забыли, –
говорит, – летать запрещено".
И, застыв, в венце из лунной пыли,
я гляжу на смолкшее окно.
6 марта 1924

Берлин

СТИХИ

Блуждая по запущенному саду,
я видел – в полдень, в воздухе слепом,
двух бабочек глазастых, до упаду
хохочущих над бархатным пупом
подсолнуха. А в городе однажды
я видел дом: был у него такой
вид, словно он смех сдерживает; дважды
прошел я мимо, и потом рукой
махнул и рассмеялся сам; а дом, нет,
не прыснул: только в окнах огонек
лукавый промелькнул. Всё это помнит
моя душа, всё это ей намек,
что на небе по-детски Бог хохочет,
смотря, как босоногий серафим
вниз перегнулся и наш мир щекочет
одним лазурным перышком своим.
9 марта 1924

ГАДАНЬЕ

К полуночи, в Сочельник,
под окнами воскрес
повырубленный ельник,
серебряный мой лес.
Средь лунного тумана
я залу отыскал.
Зажги, моя Светлана,
свечу между зеркал.
Заплавает по тазу
волшебный огонек;
причаливает сразу
ореховый челнок.
И в сумерках, где тает
под люстрой паркет,
пускай нам погадает
наш седенький сосед.
На выцветшей лазури
ты карты приготовь...
И дедушка то хмурит,
то вскидывает бровь.
И траурные пики
накладывает он
на лаковые лики
оранжевых бубен.
Ну что ж, моя Светлана,
туманится твой взгляд.
Прелестного обмана

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

нам карты не сулят.
Сам худо я колдую,
а дедушка в гробу,
и нечего седую
допрашивать судьбу.
В сморкающемся блеске
все уплывает вдаль,
хрустальные подвески
и белая рояль.
Огонь в скорлупке малой
потух... И ты исчез,
мой ельник небывалый,
серебряный мой лес.
1924 г.

КУБЫ

Сложим крылья наших видений.
Ночь. Друг на друга дома углами
валяются. Перешиблены тени.
Фонарь – сломанное пламя.
В комнате деревянный ветер косит
мебель. Зеркалу удержать трудно
стол, апельсины на подносе.
И лицо мое изумрудно.
Ты – в черном платье, полет, поэма
черных углов в этом мире пестром.
Упираешься, траурная теорема,
в потолок коленом острым.
В этом мире страшном, не нашем, Боже,
буквы жизни и целые строки
наборщики переставили. Сложим
крылья, мой ангел высокий.
9 марта 1924

ЛЕНИНГРАД

Великие, порою,
бывают перемены...
Но, пламенные мужи,
что значит этот сон?
Был Петроград – он хуже,
чем Петербург, – не скрою, –
но не походит он –
как не верти – на Трюю:
зачем же в честь Елены –
так ласково к тому же –
он вами окрещен?
23 марта 1924

СТАНСЫ

Ничем не смоешь подписи косою
судьбы на человеческой ладони,
ни грубыми трудами, ни росой
всех аравийских благовоний.
Ничем не смоешь взгляда моего,
тобой допущенного на мгновенье.
Не знаешь ты, как страшно волшебство
бесплотного прикосновенья.
И в этот миг, пока дышал мой взгляд,
издалека тобою обладавший,
моя мечта была сильнее стократ
твоей судьбы, тебя создавшей.
Но кто из нас мечтать не приходил
к семейственной и глупой Мона Лизе,
чей глаз, как всякий глаз, составлен был
из света, жилочек и слизи?
О, я рифмую радугу и прах.
Прости, прости, что рай я уничтожил,
в двух бархатных и пристальных мирах

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
единый миг как бог я прожил.
Да будет так. Не в силах я тебе
открыть, с какою жадностью певучей,
с каким немым доверием судьбе
невыразимой, неминуемой..
24 марта 1924

АВТОМОБИЛЬ В ГОРАХ (сонет)
Как сон, летит дорога, и ребром
встает луна за горною вершиной.
С моею черной гоночной машиной
сравню – на волю вырвавшийся гром!
Все хочется – пока под тем бугром
не стала плоть личинкою мушиной, –
слыхать, как прах под бешеною шиной
рыдающим исходит серебром..
Сжимая руль наклонный и упругий,
куда лечу? У альповой лачуги –
почудится отеческий очаг;
и в путь обратный – вдавливая конус
подошвою и боковой рычаг
переставляя по дуге – я тронусь.
20 апреля 1924

МОЛИТВА
Пыланье свеч то выявит морщины,
то по белку блестящему скользнет.
В звездах шумят древесные вершины,
и замирает крестный ход.
Со мною ждет ночь темно-голубая,
и вот, из мрака, церковь огибая,
пасхальный вопль опять растет.
Пылай, свеча, и трепетные пальцы
жемчужинами воска ороси.
О милых мертвых думают скитальцы,
о дальней молятся Руси.
А я молюсь о нашем дивьем диве,
о русской речи, плавной, как по ниве
движенье ветра... Воскреси!
О, воскреси душистую, родную,
косноязычный сон ее гнетет.
Искажена, искромсана, но чую
ее невидимый полет.
И ждет со мной ночь темно-голубая,
и вот, из мрака, церковь огибая,
пасхальный вопль опять растет.
Тебе, живой, тебе, моей прекрасной,
вся жизнь моя, огонь несметных свеч.
Ты станешь вновь, как воды, полногласной,
и чистой, как на солнце меч,
и величавой, как волнение нивы.
Так молится ремесленник ревнивый
и рыцарь твой, родная речь.
3 мая 1924

ПОДРУГА БОКСЕРА
Дрожащая, в змеином платье бальном,
и я пришла смотреть на этот бой.
Окружена я черною толпой:
мелькает блеск по вырезам крахмальным,
свет льется, ослепителен и бел,
посередине залы, над подмостком.
И два бойца в сиянье этом жестком
сшибаются... Один уж ослабел.
И ухаает толпа. Могуч и молод,
неуязвим, как тень, – противник твой.
Уж ты прижат к веревке круговой
и подставляешь голову под молот.

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

Все чаще, все короче, все звучней
бьет снизу, бьет и хлещет этот сжатый
кулак в перчатке сально-желтоватой,
под сердце и по челюсти твоей.
Сутулишься и екаешь от боли,
и напряженно лоснится спина.
Кровь на лице, на ребрах так красна,
что я тобой люблюсь поневоле.
Удар – и вот не можешь ты вздохнуть, –
еще удар, два боковых и пятый –
прямой в кадык. Ты падаешь. Распятый,
лежишь в крови, крутую выгнув грудь.
Волненье, гул... Тебя уносят двое
в фуфайках белых. Победитель твой
с улыбкой поднимает руку. Вой
приветственный, – и смех мой в этом вое.
Я вспоминаю, как недавно, там,
в гостинице зеркальной, встав с обеда, –
за взгляд и за ответный взгляд соседа
ты бил меня наотмашь по глазам.
11 мая 1924

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Ко мне, туманная Леила!
Весна пустынная, назад!
Бледно-зеленые ветрила
дворцовый распускает сад.
Орлы мерцают вдоль опушки.
Нева, лениво шелестя,
как Лета льется. След локтя
оставил на граните Пушкин.
Леила, полно, перестань,
не плачь, весна моя былая.
На вывеске плавучей – глянь –
какая рыба голубая.
В Петровом бледном небе – штиль,
флотилия туманов вольных,
и на торцах восьмиугольных
все та же золотая пыль.
26 мая 1924

Берлин

СМЕРТЬ ПУШКИНА

Он первый подошел к барьеру; очи
так пристально горели, что Дантес
нажал курок. И был встревожен лес:
сыпучий снег, пугливый взмах сорочий...
Пробита печень. Мучился две ночи.
На ране – лед. В бреду своем он лез
по книжным полкам, – выше... до небес...
ах, выше!.. Пот блестел на лбу.

Короче, –

он умирал: но долго от земли
уйти не мог. "Приди же, Натали,
да покорми моченою моршкой"...
И верный друг, и жизни пьяный пыл,
и та рука с протянутою ложкой –
отпало всё. И в небо он поплыл.
8 июня 1924

СМЕРТЬ

Утихнет жизни рокот жадный,
и станет музыкою тишь,
гость босоногий, гость прохладный,
ты и за мною прилетишь.
И душу из земного мрака
поднимешь, как письмо, на свет,

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

ища в ней водяного знака
сквозь тени суетные лет.
И просияет то, что сонно
в себе я чую и таю, –
знак нестираемый, исконный,
узор, придуманный в раю.
О, смерть моя! С землей уснувшей
разлука плавная светла:
полет страницы, соскользнувшей
при дуновенье со стола...
13 июня 1924

ОБ АНГЕЛАХ

1
Неземной рассвет блеском облил...
Миры прикатали: распрягай!
Подняты огненные оглобли.
Ангелы. Балаган. Рай.
Вспомни: гиганты промахивают попарно,
торгуют безднами. Алый пар
от крыльев валит. И лучезарно
кипит божественный базар.
И, в этом странствуя сиянье,
там я купил – за песнь одну –
женскую душу и в придачу нанял
самую дорогую весну.
24 апреля 1924

2

Представь: мы его встречаем
вот там, где в лисичках пень,
и был он необычаен,
как радуга в зимний день.
Он хвойную занозу
из пятки босой ташил.
Сквозили снега и розы
праздно склоненных крыл.
Наш лес, где была черника
и телесного цвета грибы,
вдруг пронзен был дивным криком
золотой, неземной трубы.
И, он нас увидел; замер,
оглянул людей, лес
испуганными глазами
и, вспыхнув крылом, исчез.
Мы вернулись домой с сырыми
грибами в узелке
и с рассказом о серафиме,
встреченном в сосняке.
8 июля 1924

ВЕЧЕР

Я в угол сарая кирку и лопату
свалил с плеча и пот отер,
и медленно вышел навстречу закату
в прохладный розовый костер.
Он мирно пылал за высокими буками,
между траурных ветвей,
где вспыхнул на миг драгоценными звуками
напряженный соловей.
И сдавленный гам, жабий хор гуттаперчевый
на пруду упруго пел.
Осекся. Пушком мимолетным доверчиво
мотылек мне лоб задел.
Темнели холмы: там блеснул утешительный
трепет огоньков ночных.
Далече пропыхивал поезд. И длительно
свистнул... длительно утих... –

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
И пахло травой. И стоял я без мысли.
Когда же смолк туманный гуд,
заметил, что смерклось, что звезды нависли,
что слезы по лицу текут.
10. 7. 24.

ПЕТЕРБУРГ (три сонета)

1

Единый путь – и множество дорог;
тьма горестей – и стон один: "когда же?.."
Что город мой? я забываю даже
названья улиц... Тонет. Изнемог.
Безлюдие. Остались только Бог,
рябь под мостом, да музы в Эрмитаже,
да у ворот луна блестит все та же
на мраморных ногтях гигантских ног.
И это все. И это все на свете..
В зеркальные туманы двух столетий
гляделся ты, мой город, мой Нарцисс..
Там, над каналом, круглыми камнями
взбухал подъем, и – с дребезжаньем – вниз..
Терзаем я утраченными днями..
24 августа 1924

2

Терзаем я утраченными днями,
и тленом тянет воздух неродной.
Я сжал в алмаз невыплаканный зной,
я духом стал прозрачный и упрямый.
Но сны меня касаются краями
орлиных крыл, – и снова, в час ночной,
Нева чернеет, вздутая весной,
и дышит маслянистыми огнями.
Гранит шероховат. Внизу вода
чуть хлюпает под баржами, когда
к их мерному прислушаешься тренью.
Вот ветерок возник по волшебству, –
и с островов как будто бы сиренью
повеяло... Прошедшим я живу.
24 августа 1924

3

Повеяло прошедшим... Я живу
там... далеко... в какой-то тьме певучей..
Под аркою мелькает луч пловучий, –
плеснув веслом, выходит на Неву.
Гиганты ждут... Один склонил главу,
всё подпирая мраморные тучи.
Их четверо. Изгиб локтей могучий
звездистую пронзает синеву.
Чего им ждять? Что под мостами плещет?
Какая сила в воздухе трепещет,
проносится?.. О чем мне шепчет Бог?
Мы странствуем, – а дух стоит на страже;
единый путь – и множество дорог;
тьма горестей – и стон один: когда же?
24 августа 1924

ИСХОД

Муза, возгласом, со вздохом шумным,
у меня забила на руках.
В звездном небе тихом и безумном
снежный поднимающийся прах
очертанья принимал, как если
долго вглядываться в облака:
образы гранитные воскресли,
смуглый купол плыл издалека.
Через Млечный Путь бледно-туманный

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

перекинулись из темноты
в темноту – о, муза, как неожиданно! –
явственные невские мосты.
И, задев в седом и синем мраке
исполинским куполом луну,
скрипнувшую как сугроб, Исакий
медленно пронесся в вышину.
Словно ангел на носу фрегата,
бронзовым протянутым перстом
рассекая звезды, плыл куда-то
Всадник в изумленье неземном.
И по тверди поднимался тучей,
тускло озаренной изнутри,
дом; и вереницею текучей
статуи, колонны, фонари
таяли в просторах ночи синей,
и, неспешно догоняя их,
к Господу несли свой чистый иней
призраки деревьев неживых.
Так проплыл мой город непорочный,
дивно оторвавшись от земли.
И опять в гармонии полночной
только звезды тихие текли.
И тогда моя полуживая
маленькая муза, трепеща,
высунулась робко из-за края
нашего широкого плаща.
11 сентября 1924

Берлин

"Отдалась необычайно..."
Отдалась необычайно
на крыле тупом и плоском
исполинского Бехштайна,
и живая наша тайна
в глубине под черным лоском
глухо струны колебалась.
Это было после бала, –
и, подобные полоскам
густо вытканной гуаши,
лунные лучи во мраке
отражались в черном лаке,
и глухие вопли наши
упоительно пронзали
бездны струнные Бехштайна,
нас принявшего случайно
после бала, в темном зале...
24 сентября 1924

"Откуда прилетел? Каким ты дышишь горем..."
Откуда прилетел? Каким ты дышишь горем?
Скажи мне, отчего твои уста, летун,
как мертвые, бледны, а крылья пахнут морем?
И демон мне в ответ: "Ты голоден и юн,
но не насытишься ты звуками. Не трогай
натянутых тобой нестройных этих струн.
Нет выше музыки, чем тишина. Для строгой
ты создан тишины. Узнай ее печать
на камне, на любви и в звездах над дорогой".
Исчез он. Тает ночь. Мне Бог велел звучать.
27 сентября 1924

Берлин

СТРАНА СТИХОВ

Дай руки, в путь! Найдем среди планет
пленительных такую, где не нужен

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
житейский труд. От хлеба до жемчужин –
всё купит звон особенных монет.
И доступа злым и бескрылым нет
в блаженный край, что музой обнаружен,
где нам дадут за рифму целый ужин
и целый дом за правильный сонет.
Там будем мы свободны и богаты..
Какие дни. Как благостны закаты.
Кипят ключи кастальские во мгле.
И, глядя в ночь на лунные оливы
в стране стихов, где боги справедливы,
как тосковать мы будем о земле!
26 октября 1924

КОСТЕР

На сумрачной чужбине, в чаще,
где ужас очертанья стер,
среди прогалины – горящий,
как сердце жаркое, костер.
Вокруг синеющие тени,
и сквозь летающую сеть
теней и рдяных отражений
склоненных лиц не рассмотреть.
Но, отгоняя сумрак жадный,
вот песня вспыхнула в тиши,
гори, гори, костер отрадный,
шинели наши осуши.
И снова всколыхнулись плечи,
и снова полнозвучный взмах,
кипят воинственные речи,
и слезы светятся в глазах.
Зверье, блуждающее в чащах,
лесные духи и ветра
бегут от этих глаз горящих
и от поющего костра.
Зато с каким благоговеньем,
с какою верой в трудный путь,
утешен пламенем и пеньем,
подходит странник отдохнуть.
26 ноября 1924

Берлин

ТРИ ШАХМАТНЫХ СОНЕТА

1

В ходах ладьи – ямбический размер,
в ходах слона – анапест. Полутанец,
полурасчет – вот шахматы. От пьяниц
в кофейне шум, от дыма воздух сер.
Там Филидор сражался и Дюсер.
Теперь сидят – бровастый, злой испанец
и гном в очках. Ложится странный глянец
на жилы рук, а взгляд – как у химер.
Вперед ладья прошла стопами ямба.
Потом опять – раздумие. "Карамба,
сдавайтесь же!" Но медлит тихий гном.
И вот толкнул ногтями цвета йода
фигуру. Так! Он жертвует слоном:
волшебный шах и мат в четыре хода.
30 ноября 1924

2

Движенья рифм и танцовщиц крылатых
есть в шахматной задаче. Посмотри:
тут белых семь, а черных только три
на световых и сумрачных квадратах.
Чернеет ферзь между коней горбатых,
и пешки в ночь впились, как янтари.

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

Решенья ждут и слуги, и цари
в резных венцах и высеченных латах.
Звездообразны каверзы ферзя.
Дразнящая, узорная стезя
уводит мысль, – и снова ум во мраке.
Но фея рифм – на шахматной доске
является, отблескивая в лаке,
и – легкая – взлетает на носке.
30 ноября 1924

З

Я не писал законного сонета,
хоть в тополях не спали соловьи, –
но, трогая то пешки, то лады,
придумывал задачу до рассвета.
И заключил в узор ее ответа
всю нашу ночь, все возгласы твои,
и тень ветвей, и яркие струи
текучих звезд, и мастерство поэта.
Я думаю, испанец мой, и гном,
и Филидор – в порядке кружевном
скупых фигур, играющих согласно, –
увидят все, – что льется лунный свет,
что я люблю восторженно и ясно,
что на доске составил я сонет.
30 ноября 1924

ШЕКСПИР

Среди вельмож времен Елизаветы
и ты блистал, чтил пышные заветы,
и круг брыжей, атласным серебром
обтянутая ляжка, клин бородки –
все было, как у всех.. Так в плащ короткий
божественный запахивался гром.
Надменно-чужд тревоге театральной,
ты отстранил легко и беспечально
в сухой венок свивающийся лавр
и скрыл навек чудовищный свой гений
под маскою, но гул твоих видений
остался нам: венецианский мавр
и скорбь его; лицо Фальстафа – вымя
с наклеенными усиками; Лир
бушующий.. Ты здесь, ты жив, – но имя,
но облик свой, обманывая мир,
ты потопил в тебе любезной Лете.
И то сказать: труды твои привык
подписывать – за плату – ростовщик,
тот Вилль Шекспир, что "Тень" играл в "Гамлете",
жил в кабаках и умер, не успев
переварить кабанью головизну..
Дышал фрегат, ты покидал отчизну.
Италию ты видел. Нараспев
звал женский голос сквозь узор железа,
звал на балкон высокого инглеза,
томимого лимонною луной
на улицах Вероны. Мне охота
воображать, что, может быть, смешной
и ласковый создатель Дон Кихота
беседовал с тобою – невзначай,
пока меняли лошадей, – и, верно,
был вечер синь. В колодце, за таверной,
ведро звенело чисто.. Отвечай,
кого любил? Откройся, в чьих записках
ты упомянут мельком? Мало ль низких,
ничтожных душ оставили свой след –
каких имен не сыщешь у Брантома!
Откройся, бог ямбического грома,
стоустый и немислимый поэт!

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

Нет! В должный час, когда почуял – гонит
тебя Господь из жизни, – вспоминал
ты рукописи тайные и знал,
что твоего величия не тронет
молвы мирской бесстыдное клеймо,
что навсегда в пыли столетий зыбкой
пробудешь ты безликим, как само
бессмертие... И вдаль ушел с улыбкой.
Декабрь 1924

УТРО

Шум зари мне чудился, кипучий
муравейник отблесков за тучей.
На ограду мрака и огня,
на ограду реющего рая
облокачивался Зодчий Дня,
думал и глядел, не раскрывая
своего туманного плаща,
как толпа работников крылатых,
крыльями блестящими треща,
солнце поднимает на канатах.
Выше, выше... выше! Впопыхах
просыпаюсь. Купол занавески,
полный ветра, в синеватом блеске
дышит и спадает. Во дворах
по коврам уже стучат служанки,
и пальбою плоской окружен,
медяки вымалывает стон
старой, удивительной шарманки..
Берлин, 5. 12. 24.

В ПЕЩЕРЕ

Над Вифлеемом ночь застыла.
Я блудную овцу искал.
В пещеру заглянул – и было
виденье между черных скал.
Иосиф, плотник бородатый,
сжимал, как смуглые тиски,
ладони, знавшие когда-то
плоть необструганной доски.
Мария слабая на чадо
улыбку устремляла вниз,
вся умиление, вся прохлада
линялых синеватых риз.
А он, младенец светлоокий
в венце из золотистых стрел,
не видя матери, в потоки
своих небес уже смотрел.
И рядом, в темноте счастливой,
по белизне и бубенцу
я вдруг узнал, пастух ревнивый,
свою пропавшую овцу.
11 декабря 1924

Берлин

ВЕЛИКАН

Я вылепил из снега великана,
дал жизнь ему и в ночь на Рождество
к тебе, в поля, через моря тумана,
я, грозный мастер, выпустил его.
Над ним кружились вороны, как мухи
над головою белого быка..
Его не вьюги создали, не духи,
а только огрубелая тоска.
Слепой, как мрамор, – близился он к цели,
шагал, – неотразимый, как зима.
Охотники, плутавшие в метели,

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
его видали и сошли с ума.

И вот достиг он твоего предела –
и замер вдруг: цвела твоя страна,
была ты счастлива, дышала, рдела,
в твоей стране всем правила весна!
Легка, проста, с душою шелковистой,
ты в солнечной скользила тишине –
и новому попутчику так чисто,
так гордо говорила обо мне!
И, перед этим солнцем отступая,
поняв, что с ним соперничать нельзя,
растаяла тоска моя слепая,
вся синевой весеннею сквозя...
13 декабря 1924

Берлин

К РОДИНЕ

Ночь дана, чтоб думать и курить
и сквозь дым с тобою говорить.
Хорошо... Пошуркивает мышь,
много звезд в окне и много крыш.
Кость в груди нащупываю я:
родина, вот эта кость – твоя.
Воздух твой, вошедший в грудь мою,
я тебе стихами отдаю.
Синей ночью рдяная ладонь
охраняла вербный твой огонь.
И тоскуют впадины ступней
по земле пронзительной твоей.
Так все тело – только образ твой,
и душа, как небо над Невой.
Покурю и лягу, и засну,
и твою почувствую весну:
угол дома, памятный дубок,
граблями расчесанный песок.
25 декабря 1924

ПЛЕВИЦКОЙ

Кипит, и пенится, и бродит...
то греет, как румяный день,
то, Богу жалуясь, отходит
как будто в бархатную тень.
Шепнула о тишайшей муке
и снова прянула, спеша, –
Ты, пролетающая в звуки,
росой омытая душа!
Уста отчизны молчаливы:
не смеют жаворонки петь,
молчат незреющие нивы
и неколышимая медь...
Но от навета, от попанья,
от унижительного зла, –
в державу славного изгнанья
ты наши песни унесла!
3 января 1925

КОНЬКОБЕЖЕЦ

Плясать на льду учился он у музыки,
у зимней Терпсихоры... Погляди:
открытый лоб, и черные рейтузы,
и огонек медали на груди.
Он вьется, и под молнией алмазной
его непостижимого конька
ломается, растет звездообразно
узорное подобие цветка.
И вот на льду, густом и шелковистом,
подсолнух обрисован. Но постой –

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

не я ли сам, с таким певучим свистом,
коньком стиха блеснул перед тобой.
Оставил я один узор словесный,
мгновенно раскружившийся цветок.
И завтра снег бесшумный и отвесный
запорошит исчерченный каток.
5 февраля 1925

"Пою. Где ангелы? В разлуке..."
Пою. Где ангелы? В разлуке
я проживаю с ними, ведь:
и еле слышимые звуки...
"и некольшимая медь"...
Прошла. Устало оглянулась.
Ты видишь Блютнера рояль?
К бемолям, сидя, прикоснулась –
и еле слышима педаль.
Домов и кубиков ступени.
Над крышей проволоки сеть.
Волью изысканное пенье
я в некольшимую медь.
1 апреля 1925

БЕРЛИНСКАЯ ВЕСНА
Нищетою необычной
на чужбине дорожу.
Утром в ратуше кирпичной
за конторкой не сажу.
Где я только не шатаюсь
в пустоте весенних дней!
И к подруге возвращаюсь
все позднее и позднее.
В полумраке стул задену
и, нащупывая свет,
так растопаясь, что в стену
стукнет яростно сосед.
Утром он наполовину
открывать окно привык,
чтобы высунуть перину,
как малиновый язык.
Утром музыкант бродячий
двор наполнит до краев
при участии горячей
суматохи воробьев.
Понимают, слава Богу,
что всему я предпочту
дикую мою дорогу,
золотую нищету.
14 мая 1925

ИЗГНАНЬЕ
Я занят странными мечтами
в часы рассветной полутьмы:
что, если б Пушкин был меж нами –
простой изгнанник, как и мы?
Так, удалясь в края чужие,
он вправду был бы обречен
"вздыхать о сумрачной России",
как пожелал однажды он.
Быть может, нежностью и гневом –
как бы широким шумом крыл, –
еще неслышанным напевом
он мир бы ныне огласил.
А может быть и то: в изгнанье
свершая страннический путь,
на жарком сердце плащ молчанья
он предпочел бы запахнуть, –
боясь унижить даже песней,

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

высокой песней своей,
тоску, которой нет чудесней,
тоску невозвратимых дней...
Но знал бы он: в усадьбе дальней
одна душа ему верна,
одна лампада тлеет в спальне,
старуха вяжет у окна.
Голубка дряхлая дождется!
Ворота настезь... Шум живой...
Вбежит он, глянет, к ней прижмет
и все расскажет – ей одной...
14 июня 1925

СОН

Однажды ночью подоконник
дождем был шумно орошен.
Господь открыл свой тайный сонник
и выбрал мне сладчайший сон.
Звуча знакомою тревогой,
рыданье ночи дом трясло.
Мой сон был синею дорогой
через тенистое село.
Под мягкой грудю колеса
скрипели глубоко внизу:
я навзничь ехал с сенокоса
на синем от теней возу.
И снова, тяжело, упрямо,
при каждом повороте сна
скрипела и кренилась рама
дождем дышавшего окна.
И я, в своей дремоте синей,
не знал, что истина, что сон:
та ночь на роковой чужбине,
той рамы беспокойный стон,
или ромашка в теплом сене
у самых губ моих, вот тут,
и эти лиственные тени,
что сверху кольцами текут...
30 июня 1925

ВОСКРЕСЕНИЕ МЕРТВЫХ

Нам, потонувшим мореходам,
похороненным в глубине
под вечно движущимся сводом,
являлся старый порт во сне:
кайма сбегаящая пены,
на камне две морских звезды,
из моря выросшие стены
в дрожащих отблесках воды.
Но выплыли и наши души,
когда небесная труба
пропела тонко, и на суше
распались с грохотом гроба.
И к нам туманная подходит
ладья апостольская, в лад
с волною дышит и наводит
огни двенадцати лампад.
Всё, чем пленяла жизнь земная,
всю прелесть, теплоту, красу
в себе божественно вмещая,
горит фонарик на носу.
Луч окунается в морские,
им разделенные струи,
и наших душ ловцы благие
берут нас в тишину ладьи.
Плыви, ладья, в туман суровый,
в залив играющий влетаи,
где ждет нас городок портовый,

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
как мы, перенесенный в рай.
19 июля 1925

Франция

РАЙ
Любимы ангелами всеми,
толпой глядящими с небес,
вот люди зажили в Эдеме, –
и был он чудом из чудес.
Как на раскрытой Божьей длани,
я со святою простотой
изображу их на поляне,
прозрачным лаком залитой,
среди павлинов, ланей, тигров,
у живописного ручья...
И к ним я выберу эпитафию
из первой Книги Бытия.
Я тоже изгнан был из рая
лесов родимых и полей,
но жизнь проходит, не стирая
картины в памяти моей.
Бессмертен мир картины этой,
и сладкий дух таится в нем:
так пахнет желтый воск, согретый
живым дыханьем и огнем.
Там, по написанному лесу
тропами смуглыми брожу, –
и сокровленную завесу
опять со вздохом завожу...
26 июля 1925

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО
Играй, реклама огневая,
над зеркалами площадей,
взбирайся, молния ручная,
слова пылающие сей.
Не те, угрозой священной
явившиеся письма,
что сладость отняли мгновенно
у вавилонского вина.
В цветах волшебного пожара
попроще что-нибудь пиши,
во славу ходкого товара,
в утеху бургерской души.
И в лакированной коробке,
в чревоушательном гробу,
послушна штепселю и кнопке,
пой, говори, дуди в трубу.
И не погибель, а погоду
ты нам из рупора вещай.
Свою жизнью грей нам воду,
страницу книги освещай.
Беги по проводу трамвая,
бенгальской искрою шурша,
и ночь сырая, городская
тобою странно хороша.
Но иногда, когда нальется
грозою небо, иногда
земля притихнет вдруг, сожмется,
как бы от тайного стыда.
И вот – как прежде, неземная,
не наша, пролетаешь ты,
прорывы синие являя
непостижимой наготы.
И снова мир, как много сотен
глухих веков тому назад,
и неустойчив, и неплотен,

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
и Божьим пламенем объят.
1925 г.

ПУТЬ

Великий выход на чужбину,
как дар божественный, цена,
веселым взглядом мир окину,
отчизной ставший для меня.
Отраду слов скупых и ясных
прошу я Господа мне дать, –
побольше странствий, встреч опасных,
в лесах подальше заплутать.
За поворотом, ненароком,
пускай найду когда-нибудь
наклонный свет в лесу глубоко,
где корни переходят путь, –
то теневое сочетанье
листвы, тропинки и корней,
что носит – для души – название
России, родины моей.
13 декабря 1925

ЛЫЖНЫЙ ПРЫЖОК

Для состязаний быстролетных
на том белеющем холму
вчера был скат на сваях плотных
сколочен. Лыжник по нему
съезжал со свистом; а пониже
скат обрывался: это был
уступ, где становились лыжи
четою ясеновых крыл.
Люблю я встать над бездной снежной,
потуже затянуть ремни...
Бери меня, наклон разбежный,
и в дивной пустоте – распни.
Дай прыгнуть, под гуденье ветра,
под трубы ангельских высот,
не семьдесят четыре метра,
а миль, пожалуй, девятьсот.
И небо звездное качнется,
легко под лыжами скользят,
и над Россией пресечется
моя воздушная стезя.
Увижу инистый Исакий,
огни мохнатые на льду
и, вольно прозвенев во мраке,
как жаворонок, упаду.
Декабрь 1925

Riesengebirge

UT PICTURA POESIS[5]
М. В. Добужинскому

Воспоминанье, острый луч,
преобрази мое изгнанье,
пронзи меня, воспоминанье
о баржах петербургских туч
в небесных ветреных просторах,
о закоулочных заборах,
о добрых лицах фонарей...
Я помню, над Невой моей
бывали сумерки, как шорох
тушующих карандашей.
Все это живописец плавный
передо мною развернул,
и, кажется, совсем недавно
в лицо мне этот ветер дул,

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
изображенный им в летучих
осенних листьях, зыбких тучах,
и плыл по набережной гул,
во мгле колокола гудели –
собора медные качели...
Какой там двор знакомый есть,
какие тумбы! Хорошо бы
туда перешагнуть, пролезть,
там постоять, где спят сугробы
и плотно сложены дрова,
или под аркой, на канале,
где нежно в каменном овале
синют крепость и Нева.
25 апреля 1926

"Пустяк – название мачты, план – и следом..."
Пустяк – название мачты, план – и следом
за чайкою взмывает жизнь моя;
и человек на палубе, под пледом,
вдыхающий сиянье – это я.
Я вижу на открытке глянцевиной
развратную залива синеву,
и белозубый городок со свитой
несметных пальм, и дом, где я живу.
И в этот миг я с криком покажу вам
себя, себя – но в городе другом:
как попугай пощелкивает клювом,
так терблю с открытками альбом.
Вот это – я и призрак чемодана;
вот это – я, по улице сырой
идуший в вас, как будто бы с экрана,
и расплывающийся слепотой.
Ах, чувствую в ногах отяжелевших,
как без меня уходят поезда,
и сколько стран, еще меня не гревших,
где мне не жить, не греться никогда!
И в кресле путешественник из рая
описывает, руки заломив,
дымок из трубки с присвистом вбирая,
свою любовь – тропический залив.
18 июня 1926

Шварцвальд

БИЛЕТ
На фабрике немецкой, вот сейчас, –
дай рассказать мне, муза, без волненья! –
на фабрике немецкой, вот сейчас,
все в честь мою, идут приготовления.
Уже машина говорит: "Жую,
бумажную выглаживаю кашу,
уже пласты другой передаю".
Та говорит: "Нарежу и подкрашу".
Уже найдя свой правильный размах,
стальное многорукое созданье
печатает на розовых листах
невероятной станции название.
И человек бесстрастно рассует
те лепестки по ящикам в конторе,
где на стене глазастый пароход,
и роща пальм, и северное море.
И есть уже на свете много лет
тот равнодушный, медленный приказчик,
который выдвинет заветный ящик
и выдаст мне на родину билет.
14 мая 1927

РОДИНА ("Бессмертное счастье наше")

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

Бессмертное счастье наше
Россией зовется в веках.
Мы края не видели краше,
а были во многих краях.
Но где бы стезя ни бежала,
нам русская снилась земля.
Изгнание, где твое жало,
чужбина, где сила твоя?
Мы знаем молитвы такие,
что сердцу легко по ночам;
и гордые музы России
незримо сопутствуют нам.
Спасибо дремучему шуму
лесов на равнинах родных,
за ими внушенную думу,
за каждую песню о них.
Наш дом на чужбине случайной,
где мирен изгнанника сон,
как ветром, как морем, как тайной,
Россией всегда окружен.
4 июня 1927

ШАХМАТНЫЙ КОНЬ

Круглогривый, тяжелый, суконцем подбитый,
шахматный конь в коробке уснул, –
а давно ли, давно ли в пивной знаменитой
стоял живой человеческий гул?
Гул живописцев, ребят бородатых,
и крики поэтов, и стон скрипачей..
Лампа сияла, а пол под ней
был весь в очень ровных квадратах.
Он сидел с друзьями в любимом углу,
по привычке слегка пригнувшись к столу,
и друзья вспоминали турниры былые,
говорили о тонком его мастерстве..

Бархатный стук в голове:

это ходят фигуры резные.

Старый маэстро пивцо попивал,
слушал друзей, сигару жевал,
кивал головой седовато-кудрястой,
и ворот осыпан был перхотью частой –
скорлупками шахматных мыслей.
И друзья вспоминали, как, матом грозя,
Кизерицкому в Вене он отдал ферзя.
Кругом над столами нависли
табачные тучи, а плиточный пол
был в темных и светлых квадратах.
Друзья вспоминали, какой изобрел
он дерзостный гамбит когда-то.
Старый маэстро пивцо попивал,
слушал друзей, сигару жевал
и думал с улыбкою хмурой:

"Кто-то, а кто – я понять не могу,

переставляет в мозгу,

как тяжелую мебель, фигуры,
и пешка одна со вчерашнего дня
черною куклой идет на меня".

Старый маэстро сидел согнувшись,
пепел ронял на пикейный жилет, –
и напал, пузырями раздувшись,
неудержимый шахматный бред.

Пили друзья за здоровье маэстро,
вспоминали, как с этой сигарой в зубах
управлял он вслепую огромным оркестром
незримых фигур на незримых досках.
Вдруг черный король, подкрепив проходную
пешку свою, подошел вплотную.
Тогда он встал, отстранил друзей

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

и смеющихся, и оробелых.
Лампа сияла, а пол под ней
был в квадратах черных и белых.
На лице его старом, растерянном, добром
деревянный отблеск лежал.
Он сгорбился, шею надул, прижал
напряженные локти к ребрам
и прыгать пошел по квадратам большим,
через один, то влево, то вправо, –
и это была не пустая забава,
и недолго смеялись над ним.
И потом, в молчании чистой палаты,
куда черный король его увел,
на шестьдесят четыре квадрата
необъяснимо делился пол.
И эдак, и так – до последнего часа –
в бредовых комбинациях, ночью и днем,
прыгал маэстро, старик седовласый,
белым конем.
23 октября 1927

РАССТРЕЛ
Небритый, смеющийся, бледный,
в чистом еще пиджаке,
без галстука, с маленькой медной
запонкой на кадыке,
он ждет, и всё зримое в мире –
только высокий забор,
жестянка в траве и четыре
дула, смотрящих в упор.
Так ждал он, смеясь и мигая,
на именинах не раз,
чтоб магний блеснул, озаряя
белые лица без глаз.
Всё. Молния боли железной..
Неумолимая тьма.
И, воя, кружится над бездной
ангел, сошедший с ума.
20 декабря 1927

ОСТРОВА
В книге сказок помню я картину:
ты да я на башне угловой.
Стань сюда, и снова я застыну
на ветру, с протянутой рукой.
Там, вдали, где волны завитые
переходят в дымку, различи
острова блаженства, как большие
фиолетовые кулички.
Ибо золотистыми перстами
из особой сладостной земли
пекаря с кудрявыми крылами
их на грани неба испекли.
И должно быть легче там и краше,
и, пожалуй, мы б пустились вдаль,
если б наших книг, собаки нашей
и любви нам не было так жаль.
Февраль 1928

РАЗГОВОР
Писатель. Критик. Издатель.

ПИСАТЕЛЬ:
Легко мне на чужбине жить,
писать трудненько, – вот в чем штука.
Вы морщитесь, я вижу?
КРИТИК:

Скука.

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

Нет книг.
ИЗДАТЕЛЬ:

Могу вам одолжить
два-три журнала, – цвет изданий
московских, – "Алую Зарю",
"Кряж", "Маховик"...

КРИТИК:

Благодарю.

Не надо. Тошно мне заране.
У музы тамошней губа
отвисла, взгляд блуждает тупо,
разгульна хочет быть, груба;
все было б ничего – да глупо.

ИЗДАТЕЛЬ:

Однако хвалят. Новизну,
и быт, и пафос там находят.
Иного – глядь – и переводят.
Я знаю книжицу одну...

КРИТИК:

Какое! Грамотеи эти,
Цементов, Молотов, Серпов,
сосредоточенно, как дети,
рвут крылья у жужжащих слов.
Мне их убожество знакомо:
был Писарев, была точь-в-точь
такая ж серенькая ночь.
Добро еще, что пишут дома, –
а то какой-нибудь Лидняк,
как путешествующий купчик,
на мир глядит, и пучит зрак,
и ужасается, голубчик:
куда бы ни поехал он,
в Бордо ли, Токио, – все то же:
матросов бронзовые рожи
и в переулочке притон.

ИЗДАТЕЛЬ:

Так вы довольны музой здешней,
изгнанницей немолодой?
Неужто по сравненью с той
она вам кажется –

КРИТИК:

Безгрешней.

Но, впрочем, и она скучна...
А там, – нет, все-таки там хуже!
Отражены там в серой луже
штык и фабричная стена.
Где прихоть вольная развязки?
Где жизни полный разговор?
Мучитель муз, евнух парнасский,
там торжествует резонер.

ИЗДАТЕЛЬ:

Да вы, как погляжу, каратель
былого, нового, всего!
что ж надо делать?

КРИТИК:

Ничего.

Скучать.

ИЗДАТЕЛЬ:

Что думает писатель?
Как знать, – быть может, суждено
так развернуться...

ПИСАТЕЛЬ:

Мудрено.

Года идут. Язык, мне данный,
скудеет, жара не храня,
вдали живительной стихии.
Слова, как берега России,
в туман уходят от меня.

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

Бывало, поздно возвращаюсь,
иду, не поднимая глаз,
неизъяснимым насыщаюсь
и знаю: где-то вот сейчас
любовь земная ждет ответа
иль человек родился; где-то
в ночи блуждают налегке
умерших мыслящие тени;
бормочет где-то русский гений
на иностранном чердаке.
И оглушительное счастье
в меня врывается... Во всем
к себе я чувствую участие –
в звездах и в камне городском.
И остываю я словами
на ожидающем листе...
Очнусь– и кроткими друзьями
я брошен, и слова – не те.
ИЗДАТЕЛЬ:
Я б, господи, на вашем месте
Парнас и прочее – забыл.
Поймите, мир не тот, что был.
Сто лет назад целковых двести
вам дал бы Греч за разговор,
такой по-новому проворный,
за ямб искусно-разговорный...
Увы: он устарел с тех пор.
14 апреля 1928

К РОССИИ
Мою ладонь географ строгий
разрисовал: тут все твои
большие, малые дороги,
а жилы – реки и ручьи.
Слепец, я руки простираю
и все земное осязаю
через тебя, страна моя.
Вот почему так счастлив я.
И если правда, что наемни
мне померещилось во сне,
что час беспечный, час последний
меня найдет в чужой стране,
как на покатоj школьной парте,
совьешься ты подобно карте,
как только отпущу края,
и ляжешь там, где лягу я.
23 июня 1928

ОСА
Твой панцирь, желтый и блестящий,
булавкой я проткнул
и слушал плач твой восходящий,
прозрачнейший твой гул.
Тупыми ножницами жало
я защемил – и вот
отрезал... Как ты зажуужала,
как выгнула живот!
Теперь гуденье было густо,
и крылья поскорей
я отхватил, почти без хруста,
у самых их корней.
И беззвученное тело
шесть вытянуло ног,
глазастой головой вертело...
И спичку я зажег –
чтоб видеть, как вскипишь бурливо,
лишь пламя поднесу...
Так мучит отрок терпеливый

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
чудесную осу;
так, изошряя слух и зренье,
взрезая, теребя, –
мое живое вдохновенье,
замучил я тебя!
24 июня 1928

ТОЛСТОЙ

Картина в хрестоматии: босой
старик. Я поворачивал страницу,
мое воображенье оставалось
холодным. То ли дело – Пушкин: плащ,
скала, морская пена... Слово "Пушкин"
стихами обрастает, как плющом,
и муза повторяет имена,
вокруг него бряцающие: Дельвиг,
Данзас, Дантес, – и сладостно звучна
вся жизнь его – от Делии лицейской
до выстрела в морозный день дуэли.
К Толстому лучезарная легенда
еще не прикоснулась. Жизнь его
нас не волнует. Имена людей,
с ним связанных, звучат еще незрело:
им время даст таинственную знатность,
то время не пришло; назвав Черткова,
я только б сузил горизонт стиха.
И то сказать: должна людская память
утратить связь вещественную с прошлым,
чтобы создать из сплетни эпопею
и в музыку молчанье претворить.
А мы еще не можем отказаться
от слишком лестной близости к нему
во времени. Пожалуй, внуки наши
завидовать нам будут неразумно.
Коварная механика порой
искусственно поддерживает память.
Еще хранит на граммофонном диске
звук голоса его: он вслух читает,
однообразно, торопливо, глухо,
и запинается на слове "Бог",
и повторяет: "Бог", и продолжает
чуть хриплым говорком, – как человек,
что кашляет в соседнем отделенье,
когда вагон на станции ночной,
бывало, остановится со вздохом.
Есть, говорят, в архиве фильмов ветхих,
теперь мигающих подслеповато,
яснополянский движущийся снимок:
старик невзрачный, роста небольшого,
с растрепанною ветром бородой,
проходит мимо скорыми шажками,
сердясь на оператора. И мы
довольны. Он нам близок и понятен.
Мы у него бывали, с ним сидели.
Совсем не страшен гений, говорящий
о браке или о крестьянских школах..
И, чувствуя в нем равного, с которым
поспорить можно, и зовя его
по имени и отчеству, с улыбкой
почтительной, мы вместе обсуждаем,
как смотрит он на то, на се... Шумят
витии за вечерним самоваром;
по чистой скатерти мелькают тени
религий, философий, государств –
отрада малых сих... Но есть одно,
что мы никак вообразить не можем,
хоть рыщем мы с блокнотами, подобно
корреспондентам на пожаре, вокруг

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
его души. До некой тайной дрожи,
до главного добратся нам нельзя.
Почти нечеловеческая тайна!
Я говорю о тех ночах, когда
Толстой творил, я говорю о чуде,
об урагане образов, летящих
по черным небесам в час созиданья,
в час воплощенья... Ведь живые люди
родились в эти ночи... Так Господь
избраннику передает свое
старинное и благодное право
творить миры и в созданную плоть
вдыхать мгновенно дух неповторимый.
И вот они живут; всё в них живет –
привычки, поговорки и повадка;
их родина – такая вот Россия,
какую носим мы в той глубине,
где смутный сон примет невыразимых, –
Россия запахов, оттенков, звуков,
огромных облаков над сенокосом,
Россия обольстительных болот,
богатых дичью... Это всё мы любим.
Его созданья, тысячи людей,
сквозь нашу жизнь просвечивают чудно,
окрашивают даль воспоминаний, –
как будто впрямь мы жили с ними рядом.
Среди толпы Каренину не раз
по черным завиткам мы узнавали;
мы с маленькой Щербацкой танцевали
заветную мазурку на балу...
Я чувствую, что рифмой расцветаю,
я предаюсь незримому крылу...
Я знаю, смерть лишь некая граница;
мне зрима смерть лишь в образе одном:
последняя дописана страница,
и свет погас над письменным столом.
Еще виденье, отблеском продлившись,
дрожит, и вдруг – немислимый конец...
И он ушел, разборчивый творец,
на голоса прозрачные деливший
гул бытия, ему понятный гул...
Однажды он со станции случайной
в неведомую сторону свернул,
и дальше – ночь, безмолвие и тайна...
16 сентября 1928

КИНЕМАТОГРАФ

Люблю я световые балаганы
всё безнадежнее и всё нежней.
Там сложные вскрываются обманы
простым подслушиваньем у дверей.
Там для распутства символ есть единый –
бокал вина, а добродетель – шьет.
Между чертами матери и сына
острейший глаз там сходства не найдет.
Там, на руках, в автомобиль огромный
не чужды состраданья богатей
усердно вносит барышень бездомных,
в тигровый плед закутанных детей.
Там письма спешно пишутся среди ночи:
опасность... трепет... поперек листа
рука бежит... И как разборчив почерк,
какая писарская чистота!
Вот спальня озаренная. Смотрите,
как эта шаль упала на ковер.
Не виден ослепительный юпитер,
не слышен раздраженный режиссер;
но ничего там жизнью не трепещет:

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

пытливый гость не может угадать
связь между вещью и владельцем вещи,
житейского особую печать.

О да! Прекрасны гонки, водопады,
вращение зеркальной темноты.

Но вымысел? Гармонии услада?

Ума полет? О, Муза, где же ты?

Утопит злого, доброго поженит,

и снова, через веки и века,

спешит роскошное воображенье

самоуверенного пошляка.

И вот – конец... Рояль незримый умер,

темно и незначительно пожив.

Очнулся мир, прохладой и шумом

растаявшую выдумку сменив.

И со своей подругою приказчик,

встречая ветра влажного напор,

держа ладонь над спичкою горячей,

насмешливый выносит приговор.

10 ноября 1928

СТАНСЫ О КОНЕ

На полотнищах, озаренных

игрой малиновых лучей,

условный выгиб окрыленных

наполеоновых коней.

И цирковое полнолуние,

огромный снежный круп, оплот

сосредоточенной плясуньи;

песок, и музыка, и пот.

И всадник, по лесу спешащий,

седла поскрипыванье, хруст;

волною счастья шуршащий

по голенищу влажный куст.

И ты, лирическое имя

в газете уличной, скакун,

гнедым огнем летящий мимо

тобою вспыхнувших трибун.

И столь покорный конь манежный,

и фальконетов конь живой.

Но самый жалостный и нежный,

невыносимый образ твой:

обросший шерстью с голодухи,

не чующий моей любви,

и без конца щекочат мухи

ресницы длинные твои.

26 ноября 1928

НА СМЕРТЬ Ю. И. АЙХЕНВАЛЬДА

Перешел ты в новое жилище,

и другому отдадут на днях

комнату, где жил писатель нищий,

иностранец с книгою в руках.

Тихо было в комнате: страница

изредка шуршала; за окном

вспыхивала темная столица

голубым трамвайным огоньком.

В плотный гроб судьба тебя сложила,

как очки разбитые в футляр...

Тихо было в комнате, но жило

в ней волнение, сокровенный жар.

Ничего не слышали соседи,

а с тобою голос говорил,

то как гул колышущейся меди,

то как трепет ласточкиных крыл,

голос муз, высокое веселье...

Для тебя тот голос не потух

там, где неземное новоселье

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
ныне празднует твой дух.
Берлин, 1929 г.

"Для странствия ночного мне не надо..."
Для странствия ночного мне не надо
ни кораблей, ни поездов.
Стоит луна над шашечницей сада.
Окно открыто. Я готов.
И прыгает с беззвучностью привычной,
как ночью кот через плетень,
на русский берег речки пограничной
моя беспаспортная тень.
Таинственно, легко, неуязвимо
ложусь на стены чередой,
и в лунный свет, и в сон, бегущий мимо,
напрасно метит часовой.
Лечу лугами, по лесу танцую –
и кто поймет, что есть один,
один живой на всю страну большую,
один счастливый гражданин.
Вот блеск Невы вдоль набережной длинной.
Все тихо. Поздний пешеход,
встречая тень средь площади пустынной,
воображение клянет.
Я подхожу к неведомому дому,
я только место узнаю..
Там, в темных комнатах, все по-другому
и все волнует тень мою.
Там дети спят. Над уголком подушки
я наклоняюсь, и тогда
им снятся прежние мои игрушки,
и корабли, и поезда.
20 июля 1929

ВОЗДУШНЫЙ ОСТРОВ
Средь пустоты, над полем дальним,
пласты закатных облаков
казались призраком зеркальным
океанических песков.
Как он блистает, берег гладкий,
необитаемый... Толчок,
дно поднимается под пяткой,
и выхожу я на песок.
Дрожа от свежести и счастья,
стою я, новый Робинзон,
на этой отмели блестящей,
пустой лазурью окружен.
И странно вспоминать минуту
недоумения, когда
нащупала мою каюту
и хищно хлынула вода;
когда она, вращаясь зыбко
в нетерпеливости слепой,
внесла футляр от чьей-то скрипки
и фляжку унесла с собой.
О том, как палуба трещала,
приняв смертельную волну,
о том, как музыка играла,
пока мы бурно шли ко дну,
пожалуй, будет и нетрудно
мне рассказать когда-нибудь..
Да что ж мечтать, какое судно
на остров мой направит путь.
Он слишком призрачен, воздушен.
О нем не знают ничего.
К нему создатель равнодушен.
Он меркнет, тает... нет его.
И я охвачен темнотою,

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
и, сладостно в ушах звеня
и вздрагивая под рукою,
проходят звезды сквозь меня.
Август 1929

ОБЛАКА

Насмешлива, медлительна, легка
их мимика среди синего эфира.
Объятаям подражают облака.
Ленивая небесная сатира
на тщание географа, на лик
изменчивый начертанного мира;
грызет лазурь морская материк.
И – масками чудовищными – часто
проходят образы земных владык:
порою, в профиль мертвенно-лобастый
распухнет вдруг воздушная гора,
и тает вновь, как тает коренастый
макроцефал, которого вчера
лепили дети красными руками,
а нынче точит оттепель с утра.
И облака плывут за облаками.
25. 8. 29.

"Вздохнуть поглубже и, до плеч"
Вздохнуть поглубже и, до плеч
в крылья вдев расправленные руки,
с подоконника на воздух лечь
и лететь, наперекор науке,
с переменным трепетом стрижа;
вдоль сада пронестись, и метить прямо
в стену, и, перешагнув, над самой
землей скользнуть, и в синеву, дрожа,
взмыть...
Боюсь, не вынесу полета.. –
Нет, вынес. На полу сижу впотьмах,
и в глазах пестро, и шум в ушах,
и блаженная в плечах ломота.
1929 г.

БУДУЩЕМУ ЧИТАТЕЛЮ

Ты, светлый житель будущих веков,
ты, старины любитель, в день урочный
откроешь антологию стихов,
забытых незаслуженно, но прочно.
И будешь ты как шут одет на вкус
моей эпохи фрачной и сюртучной.
Облокотись. Прислушайся. Как звучно
былое время – раковина муз.
Шестнадцать строк, увенчанных овалом
с неясной фотографией... Посмей
побрезговать их слогом обветшалым,
опрятностью и бедностью моей.
Я здесь с тобой. Укрыться ты не волен.
К тебе на грудь я прянул через мрак.
Вот холодок ты чувствуешь: сквозняк
из прошлого... Прощай же. Я доволен.
7 февраля 1930

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

В листве березовой, осиновой,
в конце аллеи у мостка,
вдруг падал свет от платья синего,
от василькового венка.
Твой образ легкий и блистающий
как на ладони я держу
и бабочкой не улетающей
благоговейно дорожу.

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

И много лет прошло, и счастливо
я прожил без тебя, а всё ж
порой я думаю опасливо:
жива ли ты и где живешь.
Но если встретиться нежданная
судьба заставила бы нас,
меня бы, как уродство странное,
твой образ нынешний потряс.
Обиды нет неизъяснимее:
ты чуждой жизнью обросла.
Ни платья синего, ни имени
ты для меня не сберегла.
И всё давным-давно просрочено,
и я молюсь, и ты молишь,
чтоб на утоптанной обочине
мы в тусклый вечер не сошлись.
12 февраля 1930

"Шел поезд между скал в ущелии глубоко"
Шел поезд между скал в ущелии глубоко,
поросшем золотым утесником и дроком;
порой влетал в туннель с отрывистым свистком:
сначала – чернота гремящая, потом –
как будто отсветы сомнительные в гроте,
и снова – яркий день; порой на повороте
был виден из окна сгибающийся змей
вагонов позади и головы людей,
облокотившихся на спущенные рамы.
Сочился апельсин очищенный.
Но самый
прелестный, может быть, из случаев в пути,
когда, без станции, как бы устав идти,
задумывался вдруг мой поезд. Как спокойно,
как солнечно кругом... С назойливостью знойной
одни кузнечики звенят наперебой.
Ища знакомых черт, мне ветерок слепой
потрагивает лоб, и мучась беззаконным
желаньем, я гляжу на вид в окне вагонном
и упустить боюсь возможную любовь,
и знаю – упущу. Едва ль увижу вновь,
едва ль запомню я те камни, ту поляну,
и вон на ту скалу я никогда не встану.
10–11. 3. 30.

УЛЬДАБОРГ
(перевод с зоорландского)

Смех и музыка изгнаны. Страшен
Ульдаборг, этот город немой.
Ни садов, ни базаров, ни башен,
и дворец обернулся тюрьмой:
математик там плачется кроткий,
там – великий бильярдный игрок.
Нет прикрас никаких у решетки.
О, хотя бы железный цветок,
хоть бы кто-нибудь песней прославил,
как на площади, пачкая снег,
королевских детей обезглавил
из Торвальта силач-дровосек.
И какой-то назойливый нищий
в этом городе ранних смертей,
говорят, всё танцмейстера ищет
для покойных своих дочерей.
Но последний давно удавился,
сжег последнюю скрипку палач,
и в Германию переселился
в опаленных лохмотьях скрипач.
И хоть праздники все под запретом

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

(на молу фейерверки весной
и балы перед ратушей летом),
будет праздник, и праздник большой.
Справа горы и Воцберг алмазный,
слева сизое море горит,
а на площади шепот бессвязный:
Ульдаборг обо мне говорит.
Озираются, жмутся тревожно.
Что за странные лица у всех!
Дико слушают звук невозможный:
я вернулся, и это мой смех –
над запретами голого цеха,
над законами глухонемых,
над пустым отрицанием смеха,
над испугом сограждан моих.
Погляжу на знакомые дюны,
на алмазную в небе грядую,
глубже руки в карманы засуну
и со смехом на плаху взойду.
Апрель 1930

ОКНО

Соседний дом в сиренях ночи тонет,
и сумраком становится он сам.
Кой-где забыли кресло на балконе,
не затворили рам.
Внезапно, как раскрывшееся око,
свет зажигается в одном из окон.
К буфету женщина идет.
А тот уж знает, что хозяйке надо,
и жители хрустальные ей рады,
и одного она берет.
Бесшумная, сияя желтым платьем,
протягивает руку, и невнятен
звук выключателя: трик-трак.
Сквозь темноту наклонного паркета
уходит силуэт тропинкой света,
дверь закрывается, и – мрак.
Но чем я так пронзительно взволнован,
откуда эта радость бытия?
И опытом каким волшебным-новым
обогатился я?
5 мая 1930

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Еще темно. В оркестре стеснены
скелеты музыки, и пусто в зале.
Художнику еще не заказали
густых небес и солнечной стены.
Но толстая растерзана тетрадь,
и розданы страницы лицедеям.
На чердаках уже не холодеем.
Мы ожили, мы начали играть.
И вот сажусь на выцветший диван
с невидимой возлюбленною рядом,
и голый стол следит собачьим взглядом,
как я беру невидимый стакан.
А утром собираемся в аду,
где говорим и ходим, громыхая.
Еще темно. Уборщица глухая
одна сидит в тринадцатом ряду.
Настанет день. Ты будешь королем.
Ты – поселянкой с кистью винограда.
Вы – нищими. А ты, моя отрада,
сама собой, но в платье дорогом.
И вот настал. Со стороны земли
замрела пыль. И в отдаленье зримы,
идут, идут кочующие мимы,

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
и музыка слышна, и вот пришли.
Тогда-то небожителям нагим
и золотым от райского загара,
исполненные нежности и жара,
представим мир, когда-то милый им.
6 октября 1930

ПРОБУЖДЕНИЕ

Спросонья вслушиваюсь в звон
и думаю: еще мгновенье –
и вновь забудусь я... Но сон
уже утратил дар забвенья –
не может дочитать строку,
восстановить страну ночную,
обратно съехать по ледку...
Куда там! – в оттепель такую.
Звон в отопленье по утрам –
необычайно музыкальный:
удар или двойной тра-рам,
как по хрустальной наковальне.
Март, ветреник и скороход,
должно быть, облака пугает:
свет абрикосовый растет
сквозь веки и опять сбегает.
Тут, перелившись через край,
вся нежность мира накатила:
пса молодого добрый лай,
а в комнате – твой голос милый.
Январь 1931

ПОМПЛИМУСУ

Прекрасный плод, увесистый и гладкий,
ты светишься, как полная луна;
глухой сосуд амброзии несладкой,
душистый холод белого вина.
Лимонами блистают Сиракузы,
Миньону соблазняет апельсин,
но ты один достоин жажды Музы,
когда она спускается с вершин.
24 января 1931

ИЗ КАЛМБРУДОВОЙ ПОЭМЫ "НОЧНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ" (Vivian Calmbrood's "The Night Journey")

От Меррифильда до Ольдгрова
однообразен перегон:
всё лес да лес со всех сторон.
Ночь холодна, луна багрова.
Тяжелым черным кораблем
проходит дилижанс, и в нем
спят пассажиры, спят, умаясь:
бессильно клонится чело
и вздрагивает, поднимаясь,
и снова никнет тяжело.
И смутно слышатся среди мрака
приливы и отливы снов,
храпенье дюжины носов.
В ту ночь осеннюю, однако,
был у меня всего один
попутчик: толстый господин
в очках, в плаще, в дорожном пледе.
По кашлю судя, он к беседе
был склонен, и пока рыдван
катился грузно сквозь туман,
и жаловались на ухабы
колеса, и скрипела ось,
и все трещало и тряслось,
разговорились мы.

"Когда бы

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
(со вздохом начал он) меня
издатель мой не потревожил,
я б не покинул мест, где прожил
все лето с Троицына дня.
Вообразите гладь речную,
березы, вересковый склон.
Там жил я, драму небольшую
писал из рыцарских времен;
ходил я в сюртучке потертом,
с соседом, с молодым Вордсвортом,
удил форелей иногда
(его стихам вредит вода,
но человек он милый), – словом,
я счастлив был – и признаюсь,
что в Лондон с манускриптом новым
без всякой радости тащусь.
В лирическом служенье музе,
в изображении стихий
люблю быть точным: щелкнул кий,
и слово правильное в лузе;
а вот изволь-ка, погрузясь
в туман и лондонскую грязь,
сосредоточить вдохновенье:
все расплывается, дрожит,
и рифма от тебя бежит,
как будто сам ты привиденье.
Зато как сладко для души
в деревне, где-нибудь в глуши,
внимая думам тиховейным,
котенка за ухом чесать,
ночь многозвездную вкушать
и запивать ее портвейном,
и, очинив перо острей,
все тайное в душе своей
певучей предавать огласке.
Порой слезу не без опаски
за резвою игрой стиха:
он очень мил, он просит ласки,
но далеко ли до греха?
Так одномесечный тигренок
по-детски мягок и пузат,
но как он щурится спросонок,
какие огоньки сквозят...
Нет, я боюсь таких котят.
Вам темным кажется сравненье?
Пожалуй, выразусь ясней:
есть кровожадное стремленье
у музы ласковой моей –
пороки бичевать со свистом,
тигрицей прядать огневой,
впиваться вдруг стихом когтистым
в загривок пошлости людской.
Да здравствует сатира! Впрочем,
нет пищи для нее в глухом
журнальном мире, где хлопочем
мы о бессмертии своем.
Дни Ювенала отлетели.
Не воспевать же, в самом деле,
как за крапленую статью
побили Джонсона шандалом?
Нет воздуха в сем мире малом.
Я музу увожу мою.
Вы спросите, как ей живется,
привольно ль, весело? О, да.
Идет, молчит, не обернется,
хоть пристают к ней иногда
сомнительные господа.
К иному критику в немилость

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

я попадаю оттого,
что мне смешна его унылость,
чувствительное кумовство,
суждений томность, слог жеманный,
обида отзвук постоянный,
а главное – стихи его.
Бедняга! Он скрипит костями,
бренча на лире жестяной,
он клонится к могильной яме
адамовою головой.
И вообще: поэты много
о смерти ныне говорят;
венки и выцветшая тога –
обыкновенный их наряд.
Ущерб, закат... Петроний новый,
с полуулыбкой на устах,
с последней розой бирюзовой
в изящно сложенных перстах,
садится в ванну. Все готово.
Уж вольной смерти близок час.
Но погоди! Чем резать жилу,
не лучше ль обратиться к мылу,
не лучше ль вымыться хоть раз?"

..... * * *
Сей разговор литературный
не занимал меня совсем.
Я сам, я сам пишу недурно,
и что мне до чужих поэм?
Но этот облик, этот голос...
Нет, быть не может...

Между тем
заря с туманами боролась,
уже пронизывала тьму,
и вот к соседу моему
луч осторожный заструился,
на пальце вспыхнуло кольцо,
и подбородок осветился,
а погода и все лицо.
Тут я не выдержал: "Скажите,
как ваше имя?" Смотрит он
и отвечает: "Я – Ченстон".
Мы обнялись.
1 июля 1931

"Сам треугольный, двукрылый, безногий..."
Сам треугольный, двукрылый, безногий,
но с округленным, прелестным лицом,
ижицей быстрой в безумной тревоге
комнату всю облетая кругом,
страшный малютка, небесный калека,
гость, по ошибке влетевший ко мне,
дико метался, боясь человека,
а человек прижимался к стене,
все еще в свадебном галстуке белом,
выставив руку, лицо отклоня,
с ужасом тем же, но оцепенелым:
только бы он не коснулся меня,
только бы вылетел, только нашел бы
это окно и опять, в неземной
лаборатории, в синюю колбу
сел бы, сложась, ангелочек ночной.
2 сентября 1932

"Иосиф Красный, – не Иосиф"
Иосиф Красный, – не Иосиф
прекрасный: препре –
красный, – взгляд бросив,
сад вырастивший! Вепрь

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
горный! Выше гор! Лучше ста Лин –
дбергов, трехсот полюсов
светлей! Из под толстых усов
Солнце России: Сталин!
(Марина Цветаева, пародия)

1937 г.

"Вот это мы зовем луной"
Вот это мы зовем луной.
Я на луне, и нет возврата.
Обнажена и ноздревата..
А, здравствуйте – и вы со мной.
Мы на луне. Луна, Селена.
Вы слышите? Эл, у, эн, а..
Я говорю: обнажена,
как после праздника арена.
Иль поле битвы: пронеслись
тут бегемоты боевые,
и бомбы бешено впились,
воронки вырыв тeneвые.
И если, мучась и мыча,
мы матовые маски снимем,
потухнет в этом прахе синем
и ваша, и моя свеча.
Наш лунный день не будет долог
среди камней и гор нагих.
Давайте ж, если вы геолог,
займемся изученьем их.
В ложбине мрак остроугольный
ползет по белизне рябой.
У нас есть шахматы с собой,
Шекспир и Пушкин. С нас довольно.
1942

РУСАЛКА
Заключительная сцена к пушкинской "Русалке"

Берег

КНЯЗЬ
Печальные, печальные мечты
вчерашняя мне встреча оживила.
Отец несчастный! Как ужасен он!
Авось опять его сегодня встречу,
и согласится он оставить лес
и к нам переселиться..
Русалочка выходит на берег.

Что я вижу!
Откуда ты, прелестное дитя?

РУСАЛОЧКА
Из терема.

КНЯЗЬ
Где ж терем твой? Отсюда
до теремов далече.

РУСАЛОЧКА
Он в реке.

КНЯЗЬ
Вот так мы в детстве тщимся бытие
сравнять мечтой с каким-то миром тайным.
А звать тебя?

РУСАЛОЧКА
Русалочкой зови.

КНЯЗЬ
В причудливом ты, видно, мастерица,
но слушатель я слишком суеверный,
и чудеса ребенку впрок нейдут

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
вблизи развалин, ночью. Вот тебе
серебряная денежка. Ступай.

РУСАЛОЧКА

я б деду отнесла, да мудрено
его поймать. Крылом мах-мах и скрылся.

КНЯЗЬ

кто – скрылся?

РУСАЛОЧКА

Ворон.

КНЯЗЬ

Будет лепетать.

Да что ж ты смотришь на меня так кротко?

Скажи... Нет, я обманут тенью листьев,
игрой луны. Скажи мне... Мать твоя
в лесу, должно быть, ягоду собирала
и к ночи заблудилась... иль попав
на топкий берег... Нет, не то. Скажи,
ты – дочка рыбака, меньшая дочь,
не правда ли? Он ждет тебя, он кличет.
Поди к нему.

РУСАЛОЧКА

Вот я пришла, отец.

КНЯЗЬ

Чур, чур меня!

РУСАЛОЧКА

Так ты меня боишься?

Не верю я. Мне говорила мать,
что ты силен, приветлив и отважен,
что пересвищешь соловья в ночи,
что лань лесную пеший перегонишь.
В реке Днепре она у нас царица;
"Но, говорит, в русалку обратясь,
я все люблю его, все улыбаюсь,
как в ночи прежние, когда бежала,
платок забывши впопыхах, к нему
за мельницу".

КНЯЗЬ

Да, этот голос милый
мне памятен. И это все безумье –
и я погибну...

РУСАЛОЧКА

Ты погибнешь, если
не наведишь нас. Только человек
боится нежити и наважденья,
а ты не человек. Ты наш, с тех пор
как мать мою покинул и тоскуешь.
На темном дне отчизну ты узнаешь,
где жизнь течет, души не утруждая.
Ты этого хотел. Дай руку. Видишь,
луна скользит, как чешуя, а там...

КНЯЗЬ

Ее глаза сквозь воду ясно светят,
дрожащие ко мне струятся руки!
Веди меня, мне страшно, дочь моя...
Исчезает в Днепре.

РУСАЛКИ (поют)

Всплываем, играем
и пеним волну.

На свадьбу речную

зовем мы луну.

Все тише качаясь,

туманный жених

на дно опустился

и вовсе затих.

И вот осторожно,

до самого дна,

до лба голубого

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
доходит луна.
И тихо смеется,
склоняясь к нему,
Царица-Русалка
в своем терему.
Скрываются. Пушкин пожимает плечами.

Февраль 1942

СЕМЬ СТИХОТВОРЕНИЙ
"Как над стихами силы средней..."
Как над стихами силы средней
эпиграф из Шенье,
как луч последний, как последний
зефир... comme un dernier
Rayon, [6] так над простором голым
моих нелучших лет
каким-то райским ореолом
горит нерусский свет!
1945

"Целиком в мастерскую высокую..."
Целиком в мастерскую высокую
входит солнечный вечер ко мне:
он как нотные знаки, как фокусник,
он сирень на моем полотне.
Ничего из работы не вышло,
только пальцы в пастельной пыли.
Смотрят с неба художники бывшие
на румяную щеку земли.
Я ж смотрю, как в стеклянной обители
зажигается сто этажей
и как американские жители
там стойком поднимаются в ней.
Ноябрь 1953

"Все, от чего оно сжимается..."
Все, от чего оно сжимается,
миры в тумане, сны, тоска,
и то, что мною принимается
как должное – твоя рука;
все это под одною крышею
в плену моем живет, поет,
но сводится к четверостишию,
как только ямб ко дну идет.
И оттого, что – как мне помнится –
жильцы родного словаря
такие бедняки и скромницы:
холм, папоротник, ель, заря,
читателя мне не разжалобить,
а с музыкой я незнаком,
и удовлетворяюсь, стало быть,
ничьей меж смыслом и смычком.

"Но вместо всех изобразительных
приемов и причуд, нельзя ль
одной опушкой существительных
и воздух передать, и даль?"
Я бы добавил это новое,
но наподобие кольца
сомкнуло строй уже готовое
и не впустило пришлеца.
Август 1953

"Вечер дымчат и долог..."
Вечер дымчат и долог:
я с мольбою стою,

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

молодой энтомолог,
перед жимолостью.
О, как хочется, чтобы
там, в цветах, вдруг возник,
запуская в них хобот,
райский сумеречник.
Содроганье – и вот он.
Я по ангелу бью,
и уж демон замотан
в сетку дымчатую.
Сентябрь 1953

"какое б счастье или горе..."
Какое б счастье или горе
ни пело в прежние года,
метафор, даже аллегорий
я не чуждался никогда.
И ныне замечаю с грустью,
что солнце меркнет в камышах,
и рябь чешуйчатее к устью,
и шум морской уже в ушах.
28 декабря 1953

Итака

"Есть сон. Он повторяется, как томный..."
Есть сон. Он повторяется, как томный
стук замурованного. В этом сне
киркой работаю в дыре огромной
и нахожу обломок в глубине.
И фонарем на нем я освещаю
след надписи и наготу червя.
"читай, читай!" – кричит мне кровь моя:
Р, О, С, – нет, я букв не различаю.
1953

"Зимы ли серые смыли..."
Зимы ли серые смыли
очерк единственный? Эхо ли
все, что осталось от голоса? Мы ли
поздно приехали?
Только никто не встречает нас. В доме
рояль – как могила на полюсе. Вот тебе
ласточки. Верь тут, что кроме
пепла есть оттепель.
Ноябрь 1953

"Минуты есть: "Не может быть, – бормочешь..."
Минуты есть: "Не может быть, – бормочешь, –
не может быть, не может быть, что нет
чего-то за пределом этой ночи", –
и знаков ждешь, и требуешь примет.
Касаясь до всего душою голой,
на бесконечно милых мне гляжу
со стоном умиленья; и, тяжелый,
по тонкому льду счастья хожу.
27 декабря 1953

"Средь этих лиственниц и сосен"
Средь этих лиственниц и сосен,
под горностаем этих гор
мне был бы менее несносен
существования позор:
однообразнее, быть может,
но без сомнения честней,
здесь бедный век мой был бы прожит
вдали от вечности моей.
Санкт-Мориц, 10. 7. 65.

"Сорок три или четыре года..."
Сорок три или четыре года
Ты уже не вспоминалась мне:
Вдруг, без повода, без перехода,
Посетила ты меня во сне.
Мне, которому претит сегодня
Каждая подробность жизни той,
Самовольно вкрадчивая сводня
Встречу приготовила с тобой.
Но хотя, опять возясь с гитарой,
Ты "опять молодухой была",
Не терзать взялась ты мукой старой,
А лишь рассказать, что умерла.
9 апреля 1967

ПАСТЕРНАК
Его обороты, эпитеты, дикция,
стереоскопичность его –
все в нем выдает со стихом Бенедиктова
свое роковое родство.
22. 8. 70.

"Как любил я стихи Гумилева!"
Как любил я стихи Гумилева!
Перечитывать их не могу,
но следы, например, вот такого
перебора остались в мозгу:
"...И умру я не в летней беседке
от обжорства и от жары,
а с небесной бабочкой в сетке
на вершине дикой горы."
Курелия (Лугано), 22. 7. 72.

"В ничтожнейшем гиппопотаме"
В ничтожнейшем гиппопотаме
как много есть нежности тайной!
Как трудно расстаться с цветами,
увядшими в вазе случайной!
Монре, 29. 5. 73.

ТО VERA
Ах, угонят их в степь, Арлекинов моих,
в буераки, к чужим атаманам!
Геометрию их, Венецию их
назовут шутовством и обманом.
Только ты, только ты все дивилась вослед
черным, синим, оранжевым ромбам..
"N писатель недюжинный, сноб и атлет,
наделенный огромным апломбом..."
Монре, 1. 10. 74.

Примечания
1 Ж.-Ж. Руссо (фр.).

2 Серсо (фр.).

3 Конец (англ.)

4 книжный знак, определяющей принадлежность книги(лат.)

5 Поэзия как живопись (лат.).

6 как последний луч (франц.).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
Страница 73

Стихотворения, не вошедшие в сборники. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!